

Ник
ПЕРУМОВ

КОГДА МИР
ИЗМЕНИЛСЯ

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Когда мир изменился

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Когда мир изменился / Н. Перумов — «Эксмо», 2020 — (Миры
Упорядоченного)

ISBN 978-5-04-117971-7

Сущее изменилось. Как было предсказано, пробудились ото сна некромант
Фесс и охранявшая его драконица Аэсоннэ. Им предстоит отыскать своё место
в совершенно новом мире.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117971-7

© Перумов Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	28
Интерлюдия 1	36
Глава 4	40
Интерлюдия 2	51
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ник Перумов

Когда мир изменился

© Перумов Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

В начале было начало, и он его не помнил.

Не мог вспомнить, и всё тут, как ни пытался. Рой смутных видений, смешивавшихся, напластовывавшихся одно на другое; родной дом, Долина, родители – он помнил, что это отец и мама, но лица их тонули в тумане, расплывались, особенно мамино.

Потом из мрака, перевитого огнём, появлялось другое лицо.

Лицо девушки-дракона, Аэсоннэ, то в одной её ипостаси, то в другой. Ему чудилась твердь под лопатками, ласковое касание ветра, солнце сквозь веки, шум воды неподалёку.

Время давило на грудь миллионопудовой тяжестью. Вокруг него всё оставалось подвижно, текуче, неопределённо, и лишь там, где застыли они с драконицей, – там был мир.

Мир для них двоих.

* * *

В правой руке его сиял Алмазный меч, в левой надёжно и основательно устроился Деревянный. Драгнир и Иммельсторн, мечи, порождённые взаимной ненавистью Подгорного племени гномов и эльфов-Дану, именующих себя Молодыми.

За его спиной была пропасть, а ещё дальше, за страшным провалом, виднелась зелёная долина с блистающей лентой реки, дымки над крышами, откуда плыл запах тёплого хлеба.

За его спиной была пропасть, а перед ним – медленно, как в жутком сне-видении, надвигались все, кого ему довелось упокоить.

Бесконечные ряды мертвяков, ходячих трупов, скелетов, полуприкрытых остатками плоти и совершенно нагих костяков.

Костяные гончие распахивали пасти, истекающие чёрной слюной, когти царапали голый камень. Драконы, составленные из переплавленных, чудовищно изменённых чужих костей, разводили крылья, словно многопалцевые кисти рук.

Но шли рядом с ними и другие. Люди – со знаком сжатого кулака на длинных одеяниях, другие – в доспехах, при оружии; мелькнуло знакомое лицо – нет! Что она здесь делает?!

Рысь, в том самом берете, как он увидал её первый раз. В берете и с двумя кривыми саблями наголо.

Бледная, в лице ни кровинки, глаза вбуравливаются в него, прожигают насквозь, из них словно течёт чёрный жар Хаоса.

Она не произносит ни слова, молча поднимает обе сабли, становится в позицию. По лезвиям стекают невесть откуда взявшиеся тёмные капли, срываются, падают наземь, шипя и растворяя крепчайший камень.

Две безымянные сабли в руках Рыси, Алмазный и Деревянный мечи – в его собственных.

– Ты нарушил слово, некромант, – слышит он, голова полнится болью, что-то тёплое и щекочущее бежит по шее. – Много раз. Плати! Пришла пора!..

Он не видит, откуда исходит голос, но это и не важно. Пропасть за спиной и враги впереди – тоже; самое главное – нашлись те, кто пытается припомнить ему старые долги.

Долги, сделанные до того, как мир изменился.

Над армией мёртвых стягиваются низкие тучи, словно незримая рука набрасывает тёмный саван на бездыханное тело; за спиной его, напротив, ласковое солнце озаряет безмятежное селение, то, что за пропастью.

Рысь, его Рыся застыла пред ним, в точности такая же, как тогда, в трактире, в день их первой встречи.

Это не она, пытается внушить он себе. Это морок, мираж, наваждение. Злая сила или силы, дотянувшиеся до него, пытаются сбить его с толку, запутать, лишить воли. Конечно, её здесь нет и быть не может.

«Вы перестарались, – шепчет он. – Перегнули палку. Я знаю, где я. Я знаю, кто я...»

– Знаешь ли? – прошипело сзади множество бесплотных голосов, и по шее вновь потекло, словно кровь выплёскивалась из ушей.

– Знаешь, кто ты? Нет, ты не знаешь!..

Алмазный и Деревянный мечи пришли в движение, и то, чем он дышал в этом мороке – воздух ли? – застонало, рассекаемое зачарованными клинками.

«Мельница», двойные восьмёрки, правый и левый веера – Драгнир рассыпал облака холодных льдистых искр, словно крошева подгорных кристаллов, в которых родился; Иммельсторн не отставал, зелёное и коричневое тянулось за ним шлейфом, словно плащ, выюющийся за плечами бойца. Вьюнки, лианы, призрачные, бестелесные цветы и стебли возникают и исчезают в такт взмахам.

Сила свободно течёт через него, и он знает, что готов.

– Тебя разбудили, – говорит он Рыси, выдерживая яростный взгляд заполненных Хаосом глаз. – Тебя разбудили, вырвали из сна. Я помогу – любимая.

Слово рождается на губах легко и свободно, словно ждало этого давным-давно. Вспархивает дивной бабочкой, расправляет крылья. Чёрный ветер воет, бросается на неё, крутит и ломает, но слово проскальзывает меж его порывов, ловко, будто танцуя. И сам он, не останавливая крутящихся вокруг него мечей, делает шаг вперёд.

– Спи. Ночь длинна, и ужас считает, что владеет ею. Тебе просто снится страшный сон, моя родная. Сейчас всё кончится.

– Кончится! – ревёт мёртвое со всех сторон. Что-то дрогнуло, зашевелилось в бездне, горячие толчки, словно кто-то древний и исполинский ломает пласты земли, поднимая над чернотой слепую башку, тянется вверх, туда, где вихрем кружится свободная сила.

Мертвяки дружно делают шаг. Опускаются ржавые иззубренные наконечники копий, занесены секиры и бердыши, нацелились когти. Свободного пространства вокруг всё меньше, Алмазный и Деревянный мечи ткнут защитное многоцветье вокруг своего хранителя, но Рысь, подняв обе сабли, в отчаянии искривив бескровные губы, тоже шагает к нему, и сталь клинков сталкивается.

Его отбрасывает назад, к самой пропасти, к самому краю, где жадно дышит пустота, где трудно возится пробившийся сквозь пласты реальности зверь; Алмазный меч тонко звенит от ярости, ему вторит Иммельсторн – густым басом Друнгского леса под ветром.

Рысь прямо против него, из глаз рвётся на волю Хаос. Щёки её мраморно-белы, безжизненны, окаменелы. Сабли – они уже не честной и доброй стали; они истаяли, распались, вместо них – лишь память и смерть, пустота, небытие там, где только что были клинки.

Но не-сущее так и не смогло одолеть сущее. Драгнир с братом выдержали.

Слева накатывается вал мёртвых; распласталась в прыжке костяная гончая, и он привычно отстраняется, поставив на пути бестии сразу оба заветных меча.

Алмазный клинок рассекает череп, Деревянный проходит сквозь грудь. Гончая, визжа, летит в пропасть, рассечённая на три части – но каким-то образом жизнь не покидает её.

Теперь справа – старый знакомый, костяной дракон. Под покровом спускающихся почти к самой земле иссиня-чёрных туч, воздев руки-крылья, с которых содрана плоть; искажённая, осквернённая идея дракона – воплощения жизни и магии.

Клыкастая пасть совсем рядом, горят неживые буркалы, и он встречает врага щитом из скрещённых мечей, останавливая напор не-жизни.

Платить? По старым долгам?

Придите и возьмите.

Костяная морда дракона дробится и крошится о диамант и дерево Мечей; всегдашние враги, сейчас они бьются как одно целое.

Ломаются клыки, вцепившиеся в гладкую отполированную поверхность Иммельсторна; Драгнир атакует, пробивает костяную броню на груди, дотягиваясь до сердца чудовища.

Тёмный поток злой силы окатывает с головой, едва не отнимаются руки, но надо, надо стоять!..

Потому что там, в бездне, – его ждут.

Слово! Ты давал слово! – гремит со всех сторон.

Я давал. Но я заплатил.

Память! – ревет незримое над мёртвым воинством. – Вера! Любовь!..

...Костяной дракон, шатаясь, валится с обрыва. Кому-то пожива, там, внизу, где уже раскрыты жадные глотки, которым всё равно, что пожирать.

Рыся!.. Рысь! – прямо перед ним, сабли свистят, удар, и подставленный Драгнир вдруг покрывается трещинами.

– Потому что ты предал меня!..

Он не отвечает. Алмазное лезвие рассыпается пылью, но прежде, чем умереть, Драгнир успевает ударить, поймать собственным расколом стальное лезвие, и сабля вырывается из ладони воительницы, берет слетает прочь, волосы рассыпаются.

Иммельсторн только этого и ждёт.

Корни деревьев взламывают твердь крепчайших скал; Деревянный меч оживает, впивается в сталь призраками вьюнов, и теперь крошится уже металл.

Глаза в глаза – пальцы вцепились друг другу в запястья.

– Это – просто – страшный – сон!.. – бросает он вновь ей в лицо.

Она вся сейчас – тёмный огонь.

Из глаз, изо рта её рвётся жгучее пламя, охватывает их обоих; мёртвые уже со всех сторон, ржавые наверхия пик вспарывают воздух.

Деревянный меч оборачивается гибкой лозой, оплетает их с Рысей, мириадами корней впиваясь в неподатливый чёрный камень; клинка уже нет, вместо него – непроницаемый зелёный купол, о который бесполезно ломаются копыта и клыки неживой армады.

Она с хриплым стоном повисает на нём, голова запрокинута, что-то горячее и тёмное стекает по её подбородку, ноги подгибаются.

– Ты-ы... спаси-и...

Зелёный кокон отрывается от земли, воспаряет над пропастью. Бездна принимает их; страшный сон должен кончиться.

Высоко в небе живой белой молнией проносится нечто стремительное, неразличимое, исполненное гнева.

Она здесь, она успела.

Дочка.

Навстречу им распахивается вечно голодная тёмная пасть, но жемчужно-белая драконница проносится прямо над нею, метко выдохнув клубы ярящегося пламени прямо в бездонную глотку.

Оглушительный визг и удар.

Удар и тьма.

Зелёный кокон лопается, он катится по невесть откуда взявшейся мягкой траве. Катится и замирает.

Звуки и краски, запахи и касания. Мир, простой и грубый, вновь принимает его.

Просыпайся, некромант.

Он старался, но не получалось. Ему казалось, что проходили мгновения – и оборачивались веками. Он был и тут, и там, и ещё в сотне разных мест, словно пытаясь собраться воедино, сделаться тем, кем был; а ещё он пытался отвоевать у серой бездны собственные воспоминания.

И ему удалось – все, кроме самых последних.

Коловращение миров остановилось, когда он вдруг ощутил, что вокруг него на сотни и тысячи лиг – пространство, твёрдое, воплощённое. Настоящее, как встарь, как прежде. Способное удержать, способное нести.

И некромант Фесс, Неясыть, Кэр Лаэда – проснулся.

Потому что мир наконец изменился.

– Пей, – произносит негромкий голос, и это не голос Рыси.

– Пей, пожалуйста. Тебе нужно пить.

Ледяная вода ломит зубы. В ослепительной бирюзе неба плывёт огромная тень крылатого кита.

– Просыпайся, – нежно говорит драконица. – Сегодня было лучше, – Аэсоннэ ободряюще касается его плеча. Теперь она уже не драконица – жемчужноволосая девчонка.

Нет, даже и не девчонка – девушка. Совсем молодая, но уже не девочка. Она в длинном плаще до самых пят, волосы распущены и мокры, словно только что из реки.

– Я... не дошёл.

– Я знаю. Кого встретил на сей раз?

Он молчит, отводя глаза, и Аээ понимающе кивает.

– Рысь.

– Она.

Драконица молчит какое-то время, почему-то кусая губу.

Потом протягивает руку, помогает ему подняться.

Пальцы его смыкаются на посохе чёрного дерева, серебряный череп с горящими алым глазницами в оголовке.

– Идём, – тихонько говорит Аэсоннэ. – Мир изменился. Опять. Дорога теперь ещё длиннее.

Да, дорога теперь ещё длиннее. И долги тяжелее.

Но сегодня он прошёл дальше.

Глава 1

Рыцарь по имени Блейз лежал на спине в холодной липкой грязи. Рядом копошился, скрёб пальцами по железу безголовый костяк; над рыцарем склонился прикончивший мертвяка человек, протянул руку:

– Вставай. У этих тварей так – где двое, там и десяток.

Голос был ровный. Луна поглядела в отполированную сталь глефы и поспешно спряталась, едва осветив твёрдые скулы и впалые щёки Блейзова спасителя.

– К-к-к... – только и получилось у рыцаря.

Потому что он узнал человека с глефой.

Когда незримые зубы выедают тебе нутро, это страх. Рыцарь Блейз думал, что не трус; оказалось, это не так. Раньше он всегда выходил на охоту за тварями ночи и не боялся. А теперь весь дрожал.

«От холода, – сказал он себе. – Это просто холод. А вовсе не взгляд этого... этого...»

О человеке с глефой много болтали в тавернах. Говорили в каминных залах богатых замков. Ветер подхватывал его имя, нёс над дорогами, перебрасывая из одной невидимой ладони в другую, словно бродяга горячую картофелину.

Говорили, что он отнимает жизни, и с лица его никогда не сходит маска холодного, вежливого интереса...

Он появлялся из ниоткуда и, сделав дело, уходил в никуда. За его спиной оставались груды костей, что больше уже никогда не двинутся – злая сила, придававшая им видимость жизни, навсегда покидала их.

Правда, и цена этого была высока.

Болтали, что он каждый вечер, когда взойдёт луна, оmyвает свою глефу в жертвенной крови; а для этого берёт он со спасённого города или селения дань новорождённым младенцем.

Говорили, что он безжалостно убивает любого, оказавшегося у него на пути и помешавшего какому-либо из его ритуалов.

Рассказывали, что сперва могущественные короли, рексы и кесари искали его дружбы, предлагая даже собственных дочерей, однако человек с глефой даже не смеялся. Он просто качал головой и уходил, и на губах его при этом не было улыбки.

– Вставай. Поясницу застудишь, рыцарь.

Блейз едва-едва сумел поднять руку в латной перчатке. Человек усмехнулся, пальцы его сомкнулись вокруг запястья рыцаря. Хорошо смазанный доспех не подвёл, не выдал себя позорным скрипом.

– Б-благ-годарю, п-почтенный...

Человек с глефой коротко кивнул.

– Тебе лучше поспешить, рыцарь. Луна высоко, а неупокоенные, как я сказал, не ходят в одиночку. Где твой конь?

– Е-его н-нет... А ч-что осталось – в-вон т-там...

Блейз проклинал себя за позорное заикание. Демоны и преисподние, почему его так корежит ужас?! Его спасли, ему помогли – так отчего же ему так страшно?!

Человек обернулся. В стороне от дороги, саженях в тридцать, смутно виднелась тёмная груда с торчащими белыми рёбрами – всё, что осталось от Блейзова скакуна.

Дорогого, прекрасно обученного боевого коня, между прочим!

– Понятно, – кивнул рыцарю избавитель. – Тогда идём. Тебе опасно здесь оставаться.

Остатки гордости Блейза попытались было возмутиться, но взгляд его упал на недвижные останки костеца, и рыцарь поспешно прикусил язык. На ум очень вовремя пришли прелести Бисуми, и рассудительность, само собой, победила.

– Идём, – повторил человек и особенным образом свистнул. – Моя двуколка – она не подберётся близко.

Отчего повозка не могла подъехать прямо сюда, Блейз не понял. Дорога хорошая, почти ровная, да и лужи, если разобраться, совсем не так уж глубоки!..

Они немного прошли по тракту. По обе стороны лежала низкая равнина, покрытая негустым кустарником, среди которого вздымались покосившиеся менгиры древнего кладбища – собственно, именно ради него Блейз и явился сюда, надеясь собственноручно справиться с ночными тварями.

Пошел по шерсть, а вернулся стриженный, со жгучим стыдом подумал он.

Эх, Микониус, верный мой конь... это ж сколько золота отдать придётся за нового? Бисуми будет очень, очень недовольна. Он в конце концов обещал красавице новую...

Глефа поднялась, описала стремительный круг. Человек, её державший, свистнул вновь, и свист этот больше напоминал шипение змеи.

– Теперь подождём.

Ждать пришлось недолго – вскоре послышалось какое-то шуршание, шевеление, вроде как тяжёлые шаги не одной пары ног.

– Не пугайся, – начал было спутник Блейза, но у рыцаря уже отнялся язык.

Из-за поворота и впрямь появилась двуколка, влекомая...

Влекомая восьмёркой запряжённых в неё цугом мертвяков!

Самых настоящих, матёрых, ходячих мертвяков!

Луна осветила серые недвижные лица, пустые глаза, что только кажутся незрячими, руки-клещи, ноги в обмотках и кожаных ичигах. Неупокоенные тащили двуколку весьма бодро, однако застыли, стоило человеку с глефой ещё раз свистнуть.

– Прошу тебя, рыцарь. Как величать тебя, не скажешь?

Дурная, донельзя дурная примета открывать своё имя этому... этому...

Очевидно, сомнения отразились на лице Блейза, потому что его спаситель только усмехнулся и не стал настаивать.

– Садись, рыцарь. Путь до Хеймхольма недалек, а звёзды, увы, благоприятствуют нежити.

Блейз сглотнул и стиснул эфес. Нет, всякие сказки слышал он про своего ночного спасителя, но такого!..

– Ничего особенного. – Хозяин повозки перехватил взгляд рыцаря. – Неупокоенные, очищенные от зловредного влияния баньши, укрощённые и вполне пригодные к простой работе. Садись, прошу тебя.

Ближайшие четверо мертвяков дружно раскрыли прикрытые как будто крупными бельмами буркалы. В глазницах, как и положено, горел злобный зеленоватый огонь, челюсти задвигались, зубы заскрежетали, длинные пальцы, каких никогда не бывает у живых, задёрнулись, из кончиков высывались и вновь прятались внушительные когти.

Потянуло сладковатым запахом тления.

– Но-но! – прикрикнул человек, тряхнул глефой; лунный свет отразился в отполированном клинке, упал на неупокоенных, и те мигом присмирели.

– Не бойся, рыцарь. Они у меня хорошо вышколены.

Блейз имел на этот счёт собственное мнение, но делиться им сейчас было явно не время и не место.

Кое-как, на предательски подрагивающих ногах, он забрался в двуколку, устроился на скамье.

Человек как-то по-особому встряхнул глефу, и оба лепестка её клинков исчезли, скрывшись в древке.

– Н-но!

Неупокоенные послушно влегли в постромки, двуколка сдвинулась с места, тут же изрядно накренившись – колесо угодило в рытвину.

– Право, сиятельный маркграф мог бы содержать тракты и в большем порядке. – Кажется, спаситель Блейза не прочь был завязать разговор. – Поведай мне, рыцарь, если, конечно, это не нанесёт ущерба твоей чести, что привело тебя сюда, к катакомбам Эшер Тафф? Признаюсь, не ожидал тут никого встретить!.. Да, будем знакомы – Фесс. Некромант Фесс. Ну или некромаг, не важно.

– Б...блайс, – кое-как выдавил Блейз. Невинный трюк – он не солгал и в то же время не выдал точного звучания собственного имени, на которое этот некромаг мог бы навести порчу.

– Блайс. Очень приятно, – вежливо сказал некромаг. – Меня вызвали сюда, потому что пошли разговоры о слыгхе¹. А ты, рыцарь Блайс? Думаю, что не ошибусь – передо мной адепт ордена Чёрной Розы?

Человек, известный в маркграфстве Ас Таолус как некромаг или некромаг Фесс, знал поистине немало.

– Что ж тут удивительного? Мы, как-никак, в известном смысле коллеги, – пожал он плечами. – Но соваться в одиночку туда, где хозяйничает слыгх... ты или очень храбр, досточтимый, или... или набольшие ордена не потрудились как следует объяснить тебе, кто такой слыгх и на что он способен. Вернее, оно. Слыгх беспол.

– Я... я... – заикался Блейз. – Я... ты прав, почтенный... меня прислали отыскать слыгха...

– Смело. Очень смело, – покачал некромаг головой. Капюшон соскользнул, Луна осветила короткие волосы, совершенно седые, молодое худощавое лицо. – И очень, да простятся мне эти слова, безрассудно.

– Орден приходит на помощь, не взвешивая, насколько велика опасность, – кое-как ответил Блейз уставной фразой.

– Дело, конечно, ваше, – некромаг правил, мертвяки в запряжке брали то правее, то левее, стараясь, чтобы двуколка не слишком ныряла в многочисленные ямки, ямы и ямищи. – Но слыгх очень быстр и совершенно непредсказуем. Тяжёлая броня, досточтимый, не слишком надёжная защита. Как ты собирался его ловить, прости мне это любопытство?

Удовлетворять оное рыцарь совершенно не собирался. По многим причинам.

– Я... я надеялся на слово Господне...

Некромаг поморщился, словно от зубной боли.

– Прошу тебя, рыцарь. Если обеты твоего ордена запрещают тебе говорить...

– Да-да, – ухватился Блейз за соломинку. – Запрещают, по-почтенный некромаг Фесс!..

– Тогда не говори, славный рыцарь Блайс. – Некромант внезапно натянул поводья. – Тпру-у! Прислушайся, почтенный – мне чудится или там кто-то плачет?

Рыцарь Блейз похолодел.

– Н-нет... п-прости, достойнейший... в-ветер?... Э-это не плач...

– Прости, – нахмурился Фесс. – Но я должен проверить.

– Это ветер! – уже почти с отчаянием выкрикнул рыцарь. – Ветер, ничего больше!..

– Пойдём со мной, – некромаг соскочил с двуколки. – Пойдём, лучше тебе не оставаться сейчас в одиночестве, рыцарь.

Блейз беспомощно озирался – неупокоенные в упряжке вновь пялились на него и пялились донельзя отвратно.

¹ Слыгх – злобный мертвяк, из «сильных», восстаёт на погостах, где «тревожат стариков» (то есть давно погребённых). Очень быстр, чует пролитую кровь, сырое мясо. Малоуязвим для обычного оружия. Являет собой результат слияния двух трупов. Старого скелетированного и нового, захороненного поверх.

Крупный пот струился по лбу и вискам рыцаря, ноги едва двигались. Ужас бился в груди, давил сердце, ледяной змеей свернулся в животе.

Мягко щёлкнули клинки, покидая гнёзда на древке глефы и грозно сверкнув серебристым.

– Странно, – обернулся некромаг. – Там, впереди – менгир... нет, целый кромлех... ох, не нравится мне это – твой меч, рыцарь, тут может быть жарко. Держись у меня за спиной, если сунутся какие-то мелкие твари... Стой!

Порыв ветра донёс совершенно отчётливый сейчас плач – негромкий и безнадёжный.

– Слыгх! – с отчаянием выдохнул рыцарь. – Заманивает!..

– Не похоже на слыгха, – покачал головой некромант. – Хотя, конечно... слыгхи – бестии редкие, у каждого свой нор, свои повадки... Держись у меня за спиной, почтенный!..

Беги. Беги, Блейз, пока ещё можешь!..

До рубежа менгиров, отмечающих древний погост, уже не так далеко – может, он ещё сумеет скрыться?...

Некромант перед ним хищно пригнулся, взял глефу на изготовку; крался он теперь мягкой охотничьей поступью.

Блейз сделал шаг, затем полшага. Затем четверть. Затем и вовсе остановился.

Сейчас, сейчас, вот за этими кустами...

– Эй? – некромаг удивлённо обернулся. – Досточтимый?...

В следующий миг достойный рыцарь, несмотря на тяжёлую броню, с шумом и треском ринулся напролом через заросли, словно стенобитный таран пронзая кусты, не обращая внимания на шипы, колючки и цепкие плети стелющегося по земле веретенника.

– Блайс?! Стой, куда ты!.. Слыгх!.. Он же рядом!

Некромаг уже пустился было за рыцарем, но тут к плачу добавилось громкое холодное шипение, которое так и хотелось назвать «ядовитым».

– Ах, ты!..

Некромант круто развернулся. Мелькнула глефа, разрубая колючую преграду; впереди высился пологий холм, окружённый, словно челюсть мертвеца, торчащими заострёнными камнями-менгирами, образующими неправильный круг. На вершине самого холма резко и неприятно белел плоский монолит, и на нём неподвижно застыла человеческая фигурка, закутанная в серый плащ.

Некромант замер, досадливо выдохнул. За спиной трещали кусты – почтенный рыцарь Блайс махнул рукой на все доблести своего ордена. Чего он так испугался-то внезапно? Приехал-то сюда один, да и с тем костью дрался, пощады не просил, труса не праздновал...

Шипение раздалось вновь, холодное, торжествующее. Некромант крутанул глефу над головой, словно боевой шест, лезвия сверкнули, ближайший менгир брызнул каменной крошкой.

– С-с-сшшшы-ы-ы!

Над покосившимися древними столпами взмыла стремительная крылатая тень, метнулась рваным изгибом, словно летучая мышь. Глефа ударила вновь, снесла верхушку менгира, рой острых осколков встретил крылатую тварь в воздухе, словно туча стрел, пронзал её насквозь; камешки вспыхивали, по тёмному летучему силуэту расплзались дыры с тлеющими кармином краями. Тень конвульсивно дёрнулась, косо рухнула в заросли, забила там, затрепыхалась, однако некромант на неё уже не смотрел.

Потому что над завернутой в серый плащ фигуркой уже нависало нечто – всё составленное словно из изломанных невероятным образом человеческих рук и ног, обтянутых посиневшей мертвецкой кожей.

– Друг... драугрот ²... – выдохнул некромант.
Это куда хуже, чем слыгх.

Тварь почувствовала его взгляд, вскинулась; Фесс заметил мумифицированную головку ребёнка, вперившую в него взор горящих жёлтым огнём буркал. В следующий миг он уже прыгнул влево, перекатываясь через плечо, глефа с шипением резала воздух.

Если он что и понимал в здешних мертвяках, так это одно простое правило: на друга дуrom не лезь.

Завёрнутая в серый плащ фигурка на жертвеннике забилась, задёргалась, что-то сдавленно замычала.

Друг принял решение мгновенно. Растянулся в невероятно длинном прыжке, перемахнул древний камень, ринулся вниз по склону прямо на некроманта.

Хаотично смешанные и вырастающие друг из друга руконоги вдруг развернулись, из скрюченных пальцев полезли изогнутые когти, жёлто-коричневые, словно старая жжёная кость.

Мертвяк промахнулся самую малость; противник его отшатнулся, извернулся, рубанул. Стальной лепесток чиркнул по неживой затвердевшей плоти, оставил на ней багряный тлеющий след – алое посреди угольно-чёрного.

Нагие ступни с загибающимися полусгнившими ногтями упёрлись в землю, руки судорожно хватали-месили воздух, а крошечная голова младенца, вся усохшая, с провалившимися щеками, распахнула чёрный провал беззубого рта и заверещала.

Над дальним краем кромлеха, над острыми вершинами менгиров вновь поднялась чёрная тень, чернее окружающего мрака. Летела она, правда, с трудом – сквозь разрывы плаща-крыла виднелось небо и даже звёзды. Справа и слева из зарослей слышалось злобное шипение, сквозь сплетение шипастых ветвей глянули красные глаза – каттакины, неупокоенные зомбизвери, напоминающие огромных кошек, тощих, с торчащими рёбрами, лишёнными шерсти – всегдашние спутники друга.

Но оставленный лезвием глефы огнистый след уже начал расширяться, неяркое багровое тление уходило вглубь, огонь не вырвался на свободу, вместо того, словно с удвоенной яростью от своего пленения, вгрызлся и вгрызлся в заолодевшую чуть не до твёрдости камня плоть неупокоенного.

Левая рука некроманта очертила в воздухе сложную руну, та вспыхнула, рассыпалась пеплом, и по зарослям, где хрипло рычали каттакины, словно ударил исполинский бич, разрубая ветви и отростки, углубляясь даже в землю; на пути незримого кнута оказалось сразу две твари, пасти распахнуты так, как никогда не раскроет ни одно живое существо, челюсти стоят вертикально, капает ядовитая слюна и невыносимое трупное зловоние наполняет воздух.

Две четвероногие бестии развалило пополам, торчат из груды чёрного мяса белёлые рёбра; остальные каттакины попятились, злобно шипя.

...Сразу полдюжины рук попытались схватить некроманта. Пальцы враз удлиннились, клацнули когти, но ухватили лишь воздух. Мумифицированная голова надула вдруг щёки, выдохнула облако гнилостно-жёлтого, словно какой-то пыли; красные глаза так и сверкали.

Фесс уклонялся, свистела глефа, однако тянущиеся к нему руки-лапы вдруг обрели прочность рыцарских доспехов. Поднявшаяся над курганом тень неровными и неустойчивыми рывками приближалась к нему, то проваливаясь почти до самой земли, то вновь взмывая; летела она плохо, но всё-таки летела.

Нет на земле отпорного круга, не вычерчены магические фигуры, и лишь верная, как смерть, глефа свистит и поёт, плетя затейливые узоры в лунном свете.

² Друг, драугрот, Ъfaug – «особо сильный» мертвяк. Составлен из множества частей тел. Несколько голов, рук, ног и пр.

Взмах, взмах, ещё взмах – поперёк друга легла ещё одна дымящаяся, тлеющая полоса. Потом третья.

Троица каттакинов наконец набралась смелости – а может, их погнал вперёд приказ хозяина. Первого Фесс встретил размахом глефы, второго остановил руной, третьего...

Третьего пришлось просто пнуть.

И тотчас ему обожгло лодыжку.

Друг распластался по земле, разворачиваясь жуткой многоногой гусеницей, где ножками служили человеческие посиневшие пальцы. Засеменил, проскользнул под лезвием глефы, со скоростью разящей змеи выстрелил жутко удлинившейся рукой, когти полоснули по голени некроманта.

Остриё одного пробило даже поножи толстой воловьей кожи, угодив точно меж нашитыми на него пластинами гнутого железа.

По щиколотке и ступне мигом стал расползаться леденящий холод.

– А-аргх!

На запах крови разом кинулись все трое оставшихся каттакинов. Сверху, развернувшись подобно тёмному покрывалу, рухнула летучая тень.

Некромант встретил их стремительным размахом наговорного железа. Глефа рассекла крылатую тварь надвое, та лопнула с сухим хрустом, рухнула, корчась, в кустах; самый умный каттакин резко развернулся, бросившись на неё, заурчал, пожирая.

Друг оказался рядом, руки пытались вцепиться, подмять, прижать к земле; детская голова вновь надувала щёки.

Раненая нога отказалась повиноваться. Холод добрался до колена, и оно подогнулось.

Зубы некрокота рванули плечо, заскрежетали по железной подложке; тварь хрипло взвизгнула, закрутилась от боли, широко распахивая враз обуглившуюся пасть.

Некромант выпустил глефу, пальцы рук сплелись в странном жесте, резкий взмах – перед ним вспыхнула голубым руна, рухнула на друга, оплела, подобно сети; голубые нити впились в мёртвую плоть там, где верхний слой уже пробило лезвие клинка.

Руна далась тяжело – морщинки на нестаром лице резко углубились, пролегли, словно трещины на камне от внезапного удара.

Он застыл на одном колене, тяжело, с хрипом дыша. Прямо перед ним корчился друг, дёргался, скрёб руками-лапами землю, обламывая когти, но вырваться не получалось – голубые нити опутали его, врезавшись очень глубоко, рассекли кое-где кости, нетронутой осталась только голова.

Третий, последний каттакин решил попытать счастья ещё раз – ринулся на обессиленного врага со спины, но нарвался лишь на высталенное лезвие серебристого кинжала. Из раны на груди брызнула тёмная жижа, не кровь, а именно жижа с одуряющим запахом тления.

Эфес кинжала вывернулся из пальцев некроманта, но своё дело он сделал. Некрокот лишь пару раз шагнул и рухнул замертво, широко распахнув жуткую пасть.

Его умный сородич, успевший расправиться с подбитой тварью, глянул на Фесса мутно-жёлтым глазом, потом на спутанного друга – да и затрусил себе в заросли, явно не собираясь вмешиваться.

Некромант с трудом поднялся и тотчас согнулся, не в силах отдышаться. Мертвяк перед ним шипел и дёргался, пытаясь освободиться, – и голубые линии руны мало-помалу угасали, истончаясь.

– Сейчас... – пальцы сомкнулись на древке глефы. – Bàs àgùs sgríóis!

Над полем менгиров пронёсся тяжкий вздох. Земля дрогнула, приподнялась и вновь осела – кое-где камни и вовсе провалились. Руна полыхнула голубым в последний раз и угасла; друг дёрнулся, оттолкнулся, прыгнул прямо на некромага, однако ещё в воздухе начал распа-

даться, разваливаться, разламываться по изначально прочерченным глефой трём дымящимся тлеющим шрамам.

Мертвяк рухнул к ногам Фесса слабо дёргающейся полуобугленной массой. Голова широко распахнула пасть, затрепетал по-змеиному раздвоенный язык.

– Врёшь, не успеешь!

Глефа уже занесена, и сияющий лепесток её клинка с размаху сносит верхнюю половину головы, пройдя аккуратно через оба глаза.

Это был конец.

Некромант ещё немного постоял, глядя на замирающие, словно у раздавленного таракана, конвульсии; а потом с трудом зашагал вниз по склону холма.

Ногу, за которую успел цапнуть мертвяк, надлежало обработать, и немедленно. С вершины доносились сдавленные взмыки и рыдания, но руки Фесса уже доставали из сумки скляницы с эликсирами, стилус, быстро чертили небольшую звезду – даже звёздочку о девяти лучах; раненую ногу он поставил точно в середину.

Такие раны надо врачевать прежде всего – не поможешь себе вовремя, и больше уже никому никогда не поможешь.

Зашипела мутная смесь, поднимаясь чёрным паром над раной, закипела прямо над глубокими отметинами мертвецких когтей. Некромант побледнел, заскрежетал зубами; но инкантиция у него тем не менее получилась чистая и чёткая:

– Slànachadh ri thighinn!

И вылил на рану ещё один пузырёк – на нём изображена была голова белого дракона.

Все лучи магической фигуры вспыхнули, подобно опутавшей друга руны. Светящийся туман закружился вокруг ран, втягиваясь в них – и осыпаясь вниз безжизненным голубоватым песком.

Лоб некроманта покрылся потом, однако рваные сочащиеся сукровицей углубления, оставленные когтями мертвяка, закрывались, оставляя лишь белесые, слегка впалые шрамы.

Тяжело выдохнув, поднялся. Чуть прихрамывая, зашагал к белому камню на вершине и спутанной фигуре на нём.

– М-м! М-м-м-ы-ы!

– Всё хорошо. Всё уже позади. – Широкий и короткий нож рассекал кожаные ремни, опутавшие пленника. – Всё кончилось – ого!..

Плащ развернулся, хлынула с жертвенника волна иссиня-чёрных волос, словно ворон уронил россыпь маховых перьев с благородным стальным отливом.

На некроманта уставились полные ужаса большие глаза, блестящие от слёз. Трясущиеся губы, точёный подбородок, высокие скулы и чистый лоб.

– Святые Стефания и Стефан, дев молодых покровители, – вздохнул Фесс. – Вставай, бедолага. На вот, глотни, – и он отстегнул флягу от пояса.

Зубы застучали о край горлышка. Глоток, другой – дева поперхнулась, закашлялась, но это уже был живой кашель.

– Всё. Уже всё, – осторожно повторял некромант, держа на виду безоружные руки. – Сможешь встать, досточтимая? И как тебя звать-величать?

– Г-где о-он? – выдавила девушка. Она сидела на камне, поджав босые ноги, и зябко дрожала – из всей одежды на ней было лишь нечто вроде длинного дерюжного мешка с дырками для головы и рук.

– Он? Не думай про него. Валяется там, у подножия, – Фесс махнул рукой. – Злобный мертвяк был, но...

– Да нет же, нет! – Обе тонкие кисти вцепились ему в запястье. – Этот... этот гад из Чёрной Розы!

– Гад из Чёрной Розы? Рыцарь Блайс? – удивился некромант.

– Да! Он! Только Блейз, не Блайс!.. Это ж он меня сюда притащил! И оставил – как приманку!..

– Как приманку?

– Ну да!.. и... и ещё... вот это... нарисовал... на мне...

Даже в лунном свете было видно, как заалели щёки.

– Нарисовал на тебе руны?

– Да! Нет... не знаю, руны или нет – нарисовал! А на шею повесил – вот!..

На грубом вервии болтался деревянный кружок, а на нём калёным железом выжжена уродливая человеческая голова, наполовину живая, наполовину – череп. Некромант протянул было руку – и отдернул.

– Сними. Быстро. Сюда клади, – он вытряхнул из кожаного мешочка какие-то скляницы, поставил, ловко поймал раскрытой горловиной падающий амулет и быстро замотал просмоленным шнуром.

– Всё, уходим отсюда. Я довезу тебя до Хеймхольма.

– Нет-нет-нет! – умоляюще залепетала спасённая, хватая некроманта за оба локтя. – Надо в Хеймхольм!.. Там... там...

– Там монастырь Святой Нинетты. Они помогают попавшим в беду девам. Как тебя звать, откуда ты?

Говоря всё это, некромант мягко, но решительно тащил девушку за собой к дороге, где оставалась повозка.

– Я издалека... – послышался всхлип. – Меня украли...

– Откуда украли? погоди, не реви. Да не реви же, говорю тебе! Всё уже хорошо. Никто тебя не тронет. Глотни. Ещё. Ещё. Полегчало?

– Д-да-а... – Девушка опустила фляжку, бледные щёки слегка порозовели. – Меня украли... из Эгеста...

Некромант Фесс застыл, словно неведомые чары враз заморозили ему ноги.

– Откуда-откуда? – переспросил он мёртвым голосом.

– Из Эгеста!.. Ну, святой город Аркин, может, слышали о таком, г-господин ч-чародей?

– Слыхал, – без выражения подтвердил Фесс. – Ещё б не слышать... скажи мне, дева – нет, погоди! Как всё-таки тебя зовут?

– Этиа. Этиа Аурикома, господин...

– Фесс. Просто Фесс. Красивое и необычное у тебя имя, Этиа Аурикома из Эгеста. А из какого именно места в Эгесте, не подскажешь?

– Вы там бывали, господин Фесс? – оживилась Этиа, двумя руками вцепляясь ему в локоть. – Знаете наши места?...

– Приходилось. Ну так откуда ты, досточтимая Этиа?

– Саттар, господин Фесс. Владения дюка Саттарского. Не бывали у нас, нет?

– Приходилось. А не слыхала ли ты, Этиа Аурикома, о такой деревеньке Кривой Ручей во владениях достойнейшего дюка?

Некромант говорил небрежно, озираясь по сторонам, и яснее ясного было, что упоминает он деревеньку эту исключительно из вежливости, сам ежесекундно ожидая нападения – или, может, высматривая следы злоковарного и недостойного рыцаря Блейза.

– Кривой Ручей, господин Фесс? Как не слышать, слыхала. Ведьма там орудовала, да страшная такая!.. В Саттаре болтали, что усмирил её юный брат Джайлз, маг большой свято-сти, да и сам погиб, бедняга – зато теперь, говорят, вот-вот прославлен будет в преподобных.

– Ты и о маге Джайлзе слышала? – Лоб некроманта блестел от пота.

– Конечно, господин. В Саттаре о нём всякий слышал. Отец Маврикий, настоятель из Кривого Ручья, сам-друг едва прискакал, вести принёс...

– А давно ли это было, досточтимая?

– Давно ли? – призадумалась красавица. – Да уж лет пять будет, сударь!..

– А слышала ли что об эльфах Нарна? Или о Вечном Лесе? – как бы невзначай поинтересовался некромант.

– Ой, господин хороший, что ж вы за ужаси-то такие говорите?! – округлила глаза Этиа. – То ж твари богомерзкие, от Господа истинного отступники! Не слышала ничего и слышать не хочу, и-и-и-и, вот, вот, уши зажимаю!

И она на самом деле зажала розовые нежные ушки ладонями.

– Хорошо, хорошо, дорогая. А где лежит этот твой... Эгест?

– Не знаю, господин маг, как есть не знаю! Украли меня злые люди, везли в мешке, зельем сонным поили! У вас спросить хотела – что это за место?

– Это, дорогая Этиа Аурикома, славное маркграфство Ас Таолус. К востоку от нас – Империя Вознесённого Духа Святого. К северу – другие маркграфства. К югу – просто графства, баронства и прочая мелочь, вплоть до Mare Nostrum, Межземельного моря.

По лицу Этии видно было, что она никогда в жизни не слыхала ни о каких маркграфствах, равно как и империях.

– Ой, далеко-о увезли меня, видать...

– Далеко, – с непроницаемым видом кивнул Фесс. – Но поведай мне, Этиа, что же произошло с тобой? Когда ты пришла в себя?...

...Она пришла в себя на большом постоялом дворе. Вокруг было много людей, и много коней, и железа, и оружия, и выглядело это как военный лагерь, и очень многие носили эмблему чёрной розы в белом кругу на плащах или броне.

– Тар Андред, крепость ордена Чёрной Розы, – кивнул некромант. – А потом?

...А потом пришёл этот рыцарь Блейз, и она сперва обрадовалась, потому что он был добр с ней, и расспрашивал, как она здесь очутилась и как её похитили; и она всё рассказала, дура, дура, дура!.. Нельзя верить мужчинам, никому из них нельзя!.. Ах, простите, сударь маг, вам, конечно, можно. Вы же меня спасли...

Длинные ресницы затрепетали.

– И что же этот Блейз, недостойный рыцарского звания?

– Да ничего! – хлюпнула она носом. – Говорил, глядел... этак... по-особенному... я решила, что нравлюсь ему... а потом р-раз, и плащ на меня накинул, и давай ремнями вязать! Я завизжала, плакать стала... просить... даже... даже... предлагала ему... добром... ы-ы-ы!..

– Спокойнее, спокойнее, Этиа, досточтимая. Что же было дальше?

– Дальше он меня привёз сюда... оставил на камне... и ушёл... и я поняла, что умру, что меня сожрут, сожрут мертвяки, у-у-у-у!..

– Никто уже тебя не сожрёт. Запахнись, ночь холодная.

При виде смирно застывших упряжных мертвяков Этиа, как и положено, взвизгнула, но быстро успокоилась и мигом взобралась на двуколку.

– Н-но-о!

Зашаркали ноги, неуспокоенные влегли в постромки. Двуколка покатила, ловко огибая неперсыхающие лужи.

Глава 2

– Голодна, Этиа? – Фесс перегнулся, достал затянутую чистой холстиной корзинку, но девушка только покачала головой.

– Господин Фесс, а господин Фесс? А как же мне домой вернуться? Одежду всю отобрали, да и денег у меня с собой не было... прямо ж из Саттара украли!..

– Давай до города доберёмся, там и решим. А ты запахнись, запахнись поплотнее. – Некромант смотрел только на дорогу. Этиа слегка нахмурила бровки – «господин Фесс» совершенно игнорировал её прелести. Недовольно фыркнула – но тихонечко – и повиновалась.

– Господин Фесс, а господин Фесс? А кто это на меня напал?

– Не надо б тебе этого знать, досточтимая.

– Ну господи-ин Фесс... ну пожалуйста... – и она умоляюще сложила губки бантиком.

– Если настаиваешь – то сперва, скорее всего, летаец. Потом тварь посерьёзнее, драуг.

– Но вы ж их всех убили? Да, господин Фесс?

– Да. – Он вздохнул. Свежезатянувшиеся раны на ноге уже давали о себе знать. Побочное действие заживляющих чар – на завтра это всё будет болеть так, словно туда насыпали пригоршню тлеющих углей.

Мертвяки шагали бодро, минуя заросшее лещиной поле менгиров – иначе называемое катакомбами Эшер Тафф, хотя сами катакомбы тянулись, само собой, под ним, в старых выработках: когда-то здесь добывали особо чистый песок для стекольных мануфактур и белый строительный камень. Заброшенная и расплывшаяся дорога вливалась затем в широкий тракт – однако на развилке наставлены были рогатки, а на колах насажено было трое изрядно протухших мертвяков. Мертвяки до сих пор слабо трепыхались – насаживали их явно рыцари Чёрной Розы, они надолго умели сохранять в распыленных и нанизанных на заговорённые колья зомби некое подобие жизни.

Фесс направил двуколку в объезд, а Этиа вновь тихонько взвизгнула да покрепче прижалась плечом к своему спасителю. Тот не отодвинулся, но и ничем не показал, что заметил.

Ночное небо над дорогой очищалось, свежий ветер дул с севера; звёздные россыпи разлеглись широко и привольно на чёрной бесконечности.

Некромант поднял голову.

– Вон, смотри, Этиа, созвездия. Гребёнка. Кифара. Косой Крест. Могила. Ты помнишь хоть одно из них? Видела в... Эгесте?

– Нет, господин Фесс, – замотала она головой. – Кто ж у нас созвездия-то знает! Я девушка простая, господин маг...

– Но ты жила при дворе у дюка, – заметил он.

– Ж-жила, – она отчего-то испугалась. – Н-но... я никогда... я и читать-то не умею, господин Фесс!

– Ничего страшного. Захочешь – научишься.

– Не-ет, зачем это мне, честной девушке? Кто ж меня грамотную замуж-то возьмёт?

Замолчали. Ночной тракт пустынен, один ветер гулял-прохаживался, словно подвыпивши студиозус, норовил сорвать с плеч плотные плащи. Этиа поёжилась, пониже натянула капюшон и ещё теснее прижалась к некроманту.

Тот опять не шевельнулся. И полу своего плаща не предложил.

– А что творилось в Империи Эбин? Ничего не слыхала?

– Империя Эбин, господин маг? Ой, не знаю, не знаю – мы больше сказки слушали. Про принцессу, которая из сераля сбежала, а эмир так был в неё влюблён, что столицу свою бросил, в простую одежду переделся – и за ней, искать, потому что сердце его разры...

– Эмир – это хорошо. – Некромант смотрел только на дорогу, и голос у него был очень терпеливым. – Но, если не Империя Эбин... а как дела в святом городе, в Аркине?

Но, увы, девушка не знала никаких подробностей и об Аркине. На предложение рассказать что-нибудь самой с охотой затараторила о делах Саттара и окрестных деревенок. Замелькали Ясные Холмы, Берёзовые Пади, Светлые Рощи и тому подобные названия, что могли быть везде, где угодно, в любом мире.

...И говорила девушка на языке тех мест, где они сейчас были, отнюдь не на общем для западно-эвиальского Старого Света.

– А что Арвест? Слыхала что-нибудь?

– О! А! – аж подскочила Этиа. – Слыхала! Был там ужасный ужас, кошмарный кошмар – разгневались небеса на тамошних, за грехи ихние, небось, да и свели с туч чёрные вихри!

Так. Это она знает. Об этом она слышала.

– Да, было дело, – кивнул некромант. – Об этом даже до меня вести дошли.

– Вот! Вот! – обрадовалась девушка. И тотчас, без перехода, выпалила: – Господин маг – а вы мне домой поможете добраться, да? Ведь правда поможете? – И что было сил захлопала ресницами, и впрямь очень длинными, и пушистыми.

Некромант вздохнул:

– Я помогу тебе, досточтимая. Мы... найдём тебе караван, отправляющийся в твои места. Только...

– Что «только», господин маг?

– Только не слыхал я, чтобы караваны из Хеймхольма ходили бы в Аркин или в иные грады Эгеста, – сказал он осторожно.

Однако досточтимая Этиа Аурикома ничуть не смутилась.

– Так что это за Хеймхольм такой? Деревня деревней небось! От нас, из Саттара, тоже мало куда купцы ездили. Разве что в Арвест тот же. Ну, в Аркин ещё. А так больше на торг местный... Поспросить надо как следует – что-нибудь да найдётся!

– Да, – вздохнул некромант. – Найдётся. Непременно.

Они вновь замолчали. Этиа ёрзала на скамье, поглубже зарываясь в плащ. Луна опускалась, на востоке всходили две её мелких сестры, ночь клонилась к упадку, скор был уже и рассвет.

– Господин Фесс, а рыцарь этот, Блейз...

– Он от нас не уйдёт. Коня его мертвяки сожрали, значит, у Тар Андреда мы его точно опередим. А ему надо вернуться, я законы Чёрной Розы знаю.

– Он ведь небось не одну меня так умыкнул, – вдруг тихо и очень серьёзно сказала Этиа. – Сколько он так охотился – «с живцом»?

– Немало, думаю, – отозвался некромант. – Он рыцарь Чёрной Розы и явился сюда охотиться за неуспокоенными. Пришёл один, это кое-чего стоит. Хотя, когда я его встретил, сидел он на заднице в луже, а некий костец собирался его выковыривать из брони, словно варёного рака из панциря.

Девушка вскинулась с жаром:

– Вот бы и выковырял бы! – Чёрные волосы возмущённо взлетели.

– Не желай никому такого конца. – Некромант оставался спокоен, но в голосе добавилось льду. – Если кто-то виновен, его должно судить судом живых, никак не мёртвых.

– Так я и есть живая! – вскинулась Этиа.

– Живая, живая. А знаешь ли ты, что случается с теми, кого казнили позорной смертью? Кого четверговали, или выпотрошили, или казнили прижиганием, гм, вирильных частей?

– Каких-каких частей? Простите, господин, я всего лишь простая деревенская девушка, и я...

– Не будем вдаваться в подробности. Так вот, казнённые таким образом обращаются в самых злобных, самых страшных мертвяков. Которых очень, очень трудно убить, почти невозможно. Стриксы или морои – слыхала, дева?

– Н-нет...

Тёплое плечико вновь прижалось к жёсткому мускулистому предплечью некроманта.

– Есть просто анимированные трупы, – негромко продолжал Фесс, глядя на залитую луной дорогу. – А есть те, кто помнит об утраченном, о потерянной душе. И нет такого ужаса, такого зла, который они бы не сотворили, пытаясь вновь обрести потерянное. Так что не торопись судить, дамзель.

– Хорошо, – покорно согласилась она. – Но этот Блейз всё равно негодяй! Связал меня, бросил и ушёл!..

– Ушёл... – эхом откликнулся некромант. – Да, это интересно, досточтимая Этиа.

– «Интересно»?! Всего лишь «интересно», господин маг?! – Она аж задохнулась. – Он меня бросил!.. Рыцарь!.. Меня!..

Но чародей лишь молча глядел на серебрившуюся дорогу.

Этиа громко вздохнула, закатила глаза, поджала губки и тоже уставилась на мерно шаркавших зомби.

Могильники остались позади, по обе стороны дороги поднялся молодой лес; потом мелькнул огонёк, другой, и запряжка мертвяков вскоре упёрлась в пару внушительных рогаток, перегородивших тракт. Справа высился угрюмый сруб под тесовой крышей, окружённый частоколом. На пике торчало нечто круглое, очень напоминавшее отрубленную женскую голову с остатками когда-то явно длинных и красивых волос. Ощутимо несло тлением – чуть поодаль на косом столбе тележное колесо, с него свисает сразу четвёрка повешенных. Один из них – совершенно точно ребёнок.

Этиа Аурикама тихонько пискнула, попытавшись спрятаться у некроманта за спиной.

На заставе, как ни странно, в этот глухой час не спали, или, во всяком случае, спали не все. Стукнула дверь; лязгнуло железо; вспыхнули факелы.

– Кто таков? – крикнули с порога. Фигуры в тёмных доспехах наставили копья, поднялись заряжённые арбалеты.

– А ты приглядишься, – проговорил некромант.

И слегка шевельнул вожжами.

Упряжные неупокоенные завозились в хомутах, затопали, заперхали.

Копейщики и стрелки попятились, однако вперёд шагнул высокий воин в чёрном плаще и воронёной броне – на груди серебром выложены контуры герба – вставший на дыбы титурус³.

– Повежливее. – Голос у рыцаря был совсем ещё молодой. – Здесь стоит благородная стража маркграфа и я, Конрад вер Семманус, не допущу...

– Хорошо, благородный вер Семманус, – перебил некромант. – Что вам угодно, сэр рыцарь?

– Ваше имя, странник, имя вашей спутницы и подорожная.

– Подорожная? – спокойно осведомился Фесс.

– Скреплённая сигнатурой кастеляна службы его светлости маркграфа в одном из коронных замков, – как по писаному продолжал рыцарь. Рука его в боевой кольчужной печатке лежала на эфесе меча.

– Вы не узнали меня, сэр Конрад?

Пикинёры стояли мрачно и молча, наконечники копий смотрели прямо на запряжённых мертвяков. Солдаты не выказывали страха.

³ Титурус – геральдический зверь, смесь козла и барана. Имел две пары рогов, прямые и закружённые.

– Узнаю ли я вас, странник, или нет – значения не имеет. – Любой другой, наверное, произнёс бы это напыжившись и раздуваясь от важности, но вер Семманус не пытался скрыть отвращения, и поэтому не казался смешным. – Подорожную. И имя вашей спутницы.

– Вы отменно вежливы, сэр рыцарь. – Некромант поднялся. Этиа растерянно хлопала ресницами, глядя то на него, то на молодого вер Семмануса.

– Подорожную. И не думайте, что вид этих ходячих мертвяков, лишённых посмертного покоя вашим тёмным искусством, испугает меня или моих людей. Народ тёртый. Насмотрелись.

– Отрадно слышать, – сухо сказал Фесс, спускаясь с двуколки. Глефу он держал в опущенной левой руке.

Даром что «народ тёртый», копейщики вер Семмануса подались назад.

Рыцарь, однако, не пошевелился. И даже не подумал убрать руку с длинного меча-бастарда.

– Подорожную отдайте Артеуру.

Немолодой пикинёр, в выдавших виды кирасе и бацинете, со значком сержанта ⁴ на левом плече – серебряная восьмиконечная звезда над гербом вер Семманусов – взял копьё к ноге, протянул руку в боевой перчатке грубой кожи.

– Подорожную, – повторил вслед за своим рыцарем.

Некромант поднял глаза. Поверх крыш караульни, поверх тёмных вершин леса в лунном свете над чащей плясали смутные крылатые тени, что-то навроде летучих мышей, но с неправдоподобно широкими крыльями.

Бесплотными, само собой.

Мир болен, мир гниёт изнутри. И он, некромант Фесс, некромаг Неясыть, не знает, как его излечить.

Вот и сейчас – летучие тени над лесом предвещали...

– Имя моей спутницы – Этиа Аурикома, из... из Саттара, что в Эгесте.

Сержант набычился.

– Не слышал. А ты, маг, зубы не заговаривай!..

– Как это «не слышал»?! – Голосок Этии дрожал, но возмущения от этого в нём меньше не становилось. – Саттар известен вельми, и в наших землях, и в окрестных! Нас и в Эгесте знают, и в Мекампе, да и в самом святом граде Аркине!..

– Сержант! Мастер Артеур! – Другой пикинёр, тоже немолодой, с выбивавшейся седой бородой.

– Чего тебе, Тамас?

– Слышал я про Эгест! Когда молодой был, на востоке служил!.. Только... думал, что сказки всё это, байки...

– Довольно! – Рыцарь поднял руку. – Маг, имеете подорожную?

– Нет, – Фесс упёр глефу в землю. – Не имею, сэр Конрад.

– Тогда, – злорадно объявил молодой лорд, – по слову и указу его светлости маркграфа, я должен тебя задержать. Заковать в колодки и отправить коронному дознавателю его светлости.

– Колодок не хватит – заковывать всякого без подорожной, – невозмутимо заметил некромант. – Если хватать всех бродяг и нищих, или мелких купчиков, снующих меж городами. К тому же, когда покидал я достойный град Стилкрест, ни о каких подорожных никто и слыхом не слыхивал. А прошла всего неделя!..

Рыцарь не дрогнул. Слегка кивнул своим, и Фесс в один миг оказался в кольце. Острия копий тускло блеснули рыжим в свете факелов.

Этиа Аурикома взвизгнула.

⁴ Звание «сержант» в значении «младший командир» появилось ещё в XI веке.

– Бросай оружие, некрос, и без глупостей. – Клинок сэра Конрада почти упирался Фессу в горло. – У меня ладанка с мощами самого святого Каброна Санданского!..

– Бросать хорошие и дорогие вещи никогда не следует, – холодно заметил некромант. – Сержант, прими. – И он сунул глефу опешившему Артеуру. – Смотри за ней как следует. И я бы посоветовал всем – вас, сэр Конрад, не исключая – постараться укрыться внутри. Надеюсь, запоры у вас достаточно прочные, а мощи и обереги – и впрямь действенные.

Сэр Конрад откинул забрало и ухмыльнулся. На верхней губе едва-едва пробивались усики, и усмешка вышла по-мальчишески жестокой – словно он собирался замучить сейчас щенка или котёнка.

Меч он не опустил.

– Железы! – скомандовал рыцарь, не отводя взгляда.

– Над лесом, – Фесс глядел вверх воронёного бургиньота сэра Конрада, – выются, если мне не изменяет взор, крылатые гиббеты, духи виселиц и тому подобных мест. И, хотя утро уже близко, храбрым воинам его светлости маркграфа не стоит рисковать.

Копейщик, державший заржавленную цепь, замешкался, выворачивая шею; его примеру последовали остальные.

Обычному человеку гиббетов увидеть нелегко, только когда они совсем близко или когда сыты, насосавшись крови.

– Он лжёт, люди! – возвысил голос сэр Конрад. – Лжёт!..

– А ежели нет, сэр? – Сержант Атреур был, видать, неробкого десятка. – Святой-то отец, фра Бенедикт, ушёл!..

Рыцарь недовольно скривился. Обвёл своих людей взглядом – однако у него хватило ума понять, что сейчас лучше с ними не спорить и не настаивать.

– Хорошо. Тем более что святого отца и впрямь нет. Внутри их!..

На запястьях некроманта сомкнулись железные браслеты. Цепь была старой и ржавой, кожа, обернутая вокруг кандалов, протёрта до дыр.

Этиа сама опрометью бросилась к нему.

– Не бойтесь, дамзель, – покровительственно взглянул сэр Конрад, хотя щёки его несколько раздумались. – Вы в полной безопасности. Я дал обет защищать слабых, оборонять беззащитных, вступаться за девичью честь – разумеется, если оные не осуждены судом его светлости за богохульство.

Этиа ничего не ответила. Она крупно дрожала, почти тряслась и, несмотря ни на что, цеплялась за некроманта.

Внутри оказалось тепло и сухо; правда, дух стоял казарменный, и Этиа наморщила носик, словно и не была, по её уверениям, «простой девушкой» из Саттара.

Сэр Конрад занимал отдельную выгородку с печкой; остальные довольствовались общей караулкой с лавками, нарами и длинным столом. Под ногами хрустела солома.

– Тебе сю... – начал было рыцарь и осёкся.

Закрытые по ночному времени ставни затрещали; в щели просовывались бледные сероватые когти, рвавшие дюймовые доски, словно гнилую дерюгу. Рамы вылетали одна за другой, в узкие окна лезли длиннющие руки-лапы, тощие, синевато-бледная кожа обтягивает худые мослы, пальцы вдвое длиннее обычных человеческих; поверх круглых безволосых голов пытались протиснуться крылатые гиббеты, рвались изо всех сил, ломая и выворачивая крылья – чёрные блестящие глаза навывкате, вытянувшиеся челюсти щёлкают и щёлкают, словно торопясь дорваться до лакомой человеческой плоти.

Кто-то завопил, кто-то споткнулся, покатился по соломе; кто-то уже тыкал пикой в грудь первой из серых тварей; рыцарь Конрад отмахивался мечом от бьющегося под потолком гиббета, запустил за пазуху левую руку и что-то там лихорадочно искал.

Этиа истошно визжала, пытаясь спрятаться за некроманта.

– Некрос! – сержант Артеур швырнул тому глефу. – Ах ты ж тварь какая!..

И сделал выпад пикой.

Остриё пробило насквозь грудину одного из серых чудищ – гротескных подобий человека, головы – почти идеальные шары, руки до земли, ноги изгибаются в двух местах, словно у фавнов или сатиров. Страшно худы, измождены, сероватая кожа обтягивает рёбра и чресла. Пасти распахиваются – словно открывается крышка у горшка.

– Конрад! – крикнул некромант, ловя на лету отполированное древко, несмотря на кандалы. – Это *daudbarn verur*, смерть-дети!.. Ключ! Ключ от!.. – и потряс цепью.

Но рыцарю было явно не до того.

Нанизанный на сержантскую пику мертвяк хрипел, дёргался, тянул длиннющие руки-лапы и упрямо не подышал. Другой, тоже получив копьём в живот, насаживал сам себя на древко, пока не дотянулся бледными пальцами до запястья пикинёра, стиснул – серые когти прошли сквозь кожу и стальные накладки, погрузились внутрь; копейщик дёрнулся, выпуская оружие, глаза его полезли из орбит, он взвыл дико, животное – и кисть его отделилась от руки, плоть стремительно чернела, над ней поднялся обжигающе-кислый дым.

Серая тварь подтянула себя ещё ближе, но тут коротко свистнула глефа.

Сияющий лепесток клинка прошёл сквозь шею мертвяка, перерубая позвоночный столб, мышцы, сухожилия и жилы; брызнула густая чёрная кровь.

Круглая голова запрокинулась на спину, болтаясь на единственном лоскуте серой кожи.

– *Rithugsun! Halshogging!* [Опустошение! Обезглавливание!] – мысль некроманта следовала за словом, наполняя форму силой, вливая в неё, словно собственную кровь. Руки скованы, руну не сотворить, но ничего!..

...Караульня словно разламывалась от истошных криков умирающих. Сверху на пикинёров Конрада вер Семмануса обрушились гиббеты, били крыльями, цепляли когтями, пытались впиться зубами, и каждое касание оборачивалось чёрным вонючим дымом.

Доспехи не спасали. Холодное железо, наговорное серебро – ничего не помогало. Твари ночи не убивали, они лишали людей кистей рук, или ступней ног, или вообще отнимали начисто всё от локтя или ниже колена.

Сержант Артеур выдернул пику, ударил вновь, разбивая сталью челюсти и зубы мертвяка. Круглая голова бестии дёрнулась, покрытое чёрной слизью остриё вышло из затылка. Фесс, поневоле неловко, ткнул твари лезвием под подбородок, и правильный шар серой башки покатился по истоптанной соломе.

Daudbarn забился, задёргался, хлеща, словно кнутом, во все стороны длинными тонкими ногами и руками.

– Осторожнее! – Фесс успел оттолкнуть сержанта. В тот же миг хлестнула серая плоть руки неупокоенного, глубоко ушла в утопанный земляной пол. Сержант, хакнув, рубанул коротким мечом-кордом, отсёк лапу мертвяка у самого плеча.

– Нет! Девчонку прикрой!.. – Он не мог себе позволить сейчас думать о ней. Совсем не мог.

На ногах остались лишь трое солдат сэра Конрада и сам рыцарь. Он таки выудил из-за пазухи то, что искал, – небольшую ладанку – и сейчас тыкал ею во все стороны, громко читая молитвы; надо сказать, читая правильно, не запинаясь от страха и не путая слова.

Его зажимали в угол, медленно, но верно.

Этиа Аурикома пряталась за спиной сержанта, зажав рот ладошкой.

Серые твари сообразили, что к чему. Их было шестеро, да четвёрка гиббетов билась крыльями о доски потолка.

Короткая цепь по-прежнему стягивала запястья некроманта, и не простая, хоть и покрытая ржой – магия стекала с неё, словно дождевые капли.

Ну что ж, будем по-плохому...

У ног некроманта бился в корчах солдат, лишившийся обеих ног – одной не было аж до самого бедра – и кистей на обеих руках. Глаза закатились от боли, он выл и орал, и должен был бы умереть от потери крови, но раны запеклись, покрылись чёрной коркой, и он жил, жил себе на горе и на...

И на горе другим, вдруг понял Фесс.

А ещё понял, что надо делать.

Остриё глефы чиркнуло, рассекая артерии несчастного.

...Жертва была не подготовлена. Отсутствовала магическая фигура и даже руну толком было не накинуть из-за скованных рук; но грубая, горячая сила, пронизанная и перевитая ужасом и агонией, пылала словно пламя.

Оно вырывалось из поневоле грубых и неверных форм; растрачивалось зря, било не туда – но всё-таки вокруг древка глефы закружилась спираль тонкого, почти невидимого огня, языки его заплясали на чёрных от слизи клинках, пожирая нечистоту и грязь; головы мертвяков лопались одна за другой, заливая всё вокруг чёрной жижей, ломая крылья гиббетам и вбивая их в брёвна стен.

Хруст, мокрое чавканье, зловоние – и нарастающий рёв дикого, вырвавшегося на волю пламени.

Что-то истошно вопил сэр Конрад, но Фесс уже не слушал.

Он уже почти догадался, что тут происходит и что предстоит сделать. Пусть со скованными руками, но сделать.

– Конрад! Спасай людей, вытаскивайте наружу!..

Пинком распахнул дверь.

Ночь встретила серым предрассветным маревом, она жадно ловила и пила, словно кровь, алые отсветы пожара.

– Покажись!..

Гиббеты кружили над полыхающей караульной, словно стервятники. Кружили, но спускаться пока не спешили.

Зато спешили другие. Ломая рогатки, раздирая их колючими собственными брюха и лапы, ползла ещё дюжина мертвяков, уже другого вида – раздутые, распухшие трупы, «свежачки», пролежавшие в могилах совсем недолго. Судя по лохмотьям и обезображенным лицам – отверженные маркграфства, бродяги и нищие, мелкие воришки из самых неудачливых, отдавшие концы то ли в подземельях, то ли в каторжных работах; наспех зарытые без гробов и даже самой простой молитвы в неглубоких рвах – откуда и были извлечены.

Они пёрли без строя и порядка, толпой, толкаясь и пихаясь, и некроманту не потребовалось бы много времени упокоить их всех, но чуть поодаль, у самого края леса, застыла высокая и тощая словно жердь фигура в широченном плаще, висевшем на ней как на вешалке. Скалился нагой череп с остатками чёрной бороды на подбородке, и два огня – как и положено, красные – горели в глазницах.

Лич. Это был лич.

Маг, возжелавший бессмертия и нарушивший ради этого всего законы, писанные и неписанные. Маг, которого тащило по неумолимой спирали, а он сопротивлялся, дёргался, трепыхался, тщаь отдалить неминуемое; и каждая его попытка орошалась кровью, кровью и ещё раз кровью.

Разумеется, чужой.

Глава 3

Нижняя челюсть чудища заходила ходуном, задёргалась, закрипела, словно немазанные колёса. Очевидно, изображало это хохот.

За спиной некроманта жарким и жадным пламенем пылала караулка, из огня и дыма копейщики вер Семмануса вытаскивали задыхающихся в кашле раненых, кого смогли и успели. Сила погибающих ощущалась, словно тот же огненный жар, горячила кровь в жилах, туманила взор, властно требовала боя и мщения.

Нельзя, сказал себе Фесс. Нельзя, если я ещё хоть что-то правильно помню.

Посланные личем неупокоенные меж тем распихали и растолкали рогатки, что смогли – переломали. Это были не жуткие смерть-дети, просто свежие трупы, выкопанные и анимированные, но всё равно они были страшным противником.

Особенно рядом со своим господином.

Личи при трансформе теряют львиную долю магических талантов и умений, но этому, с бородой, хватило и остатков. Поросшая чёрным длинным волосом челюсть дёргалась в жутком подобии смеха, и Фесс вдруг ощутил, как чужая сила пытается заткнуть ему рот, сдавить горло, лишив дыхания; глаза резало, словно в них брызнули кислым соком.

Глефа описала широкую дугу, сверкнули в пламени пожара лезвия. Ближайшему мертвяку снесло голову, из обрубка шеи хлынула чёрная парящая жижа.

Ого. Постарался лич, накачал своих!..

За спиной хлопнул одинокий арбалет – это сержант Артеур пустил стрелу; наконечник с тупым хлопаньем ушёл в грудь ходячего трупа почти полностью, но не остановил.

За спиной сержанта всё так же пряталась Этиа.

Второму мертвяку точно так же срубило начавшую гнить башку, остальные продолжали напирать, тупо, без строя и без оружия, но зато и без страха или колебаний.

Лич хохотал.

– Вперёд! Именем Господа! – кажется, это сам сэр Конрад. Выбрался, значит...

– Нет! – крикнул некромант, но доблестный сэр рыцарь уже врубился в ближайшего мертвяка, продырявив ему мечом бок. За вер Семманусом последовали его солдаты, опустив пики, и это было очень плохо, потому что...

– Бегите! – рявкнул Фесс. – Бегите, глупцы!..

И вновь его не послушались.

Плохо отбиваться, когда запястья у тебя стянуты ржавой цепью.

Сразу пара копий вонзилась в грудь и брюхо раздутого трупа с рыжей бородой, до сих пор засыпанной могильным песком; раздался хруст, словно рвали плотную ткань, и мертвяк, растягивая почерневшие губы в жуткой усмешке, стал вдруг расплываться, оседать, словно свечка, плоть его жирными волнами потекла по древкам копий, обволакивая их.

Воин постарше и поумнее успел бросить пику. Двое его товарищей помоложе растерялись и опоздали.

Растекавшийся не то тестом, не то кашей мертвяк расползлся с жуткой ухмылкой на растянувшихся чёрных губах. Голова его шлёпнулась наземь, а тело, растворившись на глазах, обволокло слизью кисти рук двоих незадачливых пикинёров.

Два вопля, утонувших в рёве пожирающего сруб пламени. Слизь втягивалась под кожаные рукава грубых боевых дублетов, и люди падали, корчась, пытаясь содрать с себя бесполезные уже кирасы.

Лич смеялся.

Рыцарь Конрад выдернул меч из бока ходячего трупа, размахнулся – но из разруба прямо в лицо вер Семманусу брызнула струя чёрной дымящейся жижи.

Тот взвизгнул, бросил меч, вскинул ладони к шлему – зря, потому что на руках – кольчужные рукавицы.

Сержант Артеур что-то скомандовал своим, и уцелевшие попятились, выставив пики. Сам же сержант кинулся к своему лорду, подхватил, потащил к сомкнувшим строй копейщикам; двое бившихся в судорогах солдат замерли на миг – а потом стали подниматься, шатаясь и на глазах раздуваясь, словно рыба-пугало.

Времени не оставалось, и некромант ударил тем, что было, – чистой силой, сжатой стремительным движением глефы. Эх, эх, посох-то остался в двуколке...

Остриё прочертило голубоватую спираль, щедро разлитая вокруг сила от убитых и умирающих позволила использовать себя на малую малость – распухающих воинов вер Семмануса отшвырнуло, сшибло с ног, одного удачно насадило на кол, торчавший из опрокинутой рогатки. Второй, однако, упрямо поднялся, и хоть и пошатываясь, но куда увереннее простых мертвяков побрёл к вчерашним товарищам. Насажённый на кол задёргался, рванулся, освободился – из дыры в спине хлынула всё та же чёрная жидкость, однако он всё равно пытался брести.

На самого некроманта на село сразу полдюжины мертвяков, и ему не без труда удавалось не подпускать их к себе. Проклятье, эта цепь!.. Ключ так и пропал в охваченной пожаром караульной.

Лич торчал нелепой костяной башней, и предутренний воздух дрожал вокруг него; содрогалась сжатая тугим вихрем сила, что отобьёт и развеет любые чары.

При жизни это был очень сильный маг. Донельзя сильный.

– Все прочь! Рассыпаться! – гаркнул Фесс солдатам, и на сей раз несколько человек ему вняли. Бросив копья, кинулись наутёк, к тёмному лесу, озарённому алыми сполохами плававшей караулки.

Неупокоенные потеряют след, если живые сумеют оторваться.

...Но куда больше воинов сэра Конрада так и остались в строю. Сам рыцарь стоял на коленях и один из пикинёров пытался промыть ему глаза.

И ещё там пряталась белая от ужаса Этиа, угодившая из огня да в полымя.

Ни один из смерть-детей не выбрался из горящего сруба, ни один гибнет не вырвался на волю. И некромант Неясыть совсем по-другому говорил бы с личем, кабы не эта дурацкая цепь на запястьях.

– В голову их пиками! Башки им сбивайте! – командовал за спиной сержант Артеур. – Эй, некрос! Глефу кинь – цепь разрублю!..

Лич заскрежетал что-то яростное, и насадивший себя на кол воин побрёл, шатаясь и дёргаясь, оставляя за собой полосу чёрной жижи, словно вмиг заменившую в нём всю живую кровь. Его товарищ по несчастью кое-как дотащился до недавних соратников, получил копьём между глаз и развалился на части – руки, ноги, торс – все одна за другой вздувались и лопались, обдавая всё вокруг чёрными дымящимися брызгами.

Люди пятились, отступали шаг за шагом, но не бежали, и лишь после того, как ещё один копейщик свалился, угодив под веер чёрных брызг, они не выдержали.

Слава всем силам подземным.

Остались только сам сэр Конрад, сержант Артеур да дева Этиа Аурикома. Правда, сгинули и неупокоенные, кроме той шестерки, что насадала на некроманта, подпитываясь какими-то иными чарами, причём наброшенными только что – острия глефы оставляли лишь пузырящиеся чёрным росчерки, словно на старой плотной коре дерев-мироносиц.

Лич медленно, по широкой дуге, стал огибать свалку, явно нацелившись на сержанта и сжавшуюся подле него девушку. Рыцарь кое-как пришёл в себя и теперь пытался встать, громко читая молитвы. В кулаке его что-то светилось, сияло раскалённо-серебристым. Шлем и лицо залило чёрным, но глаза уцелели.

– Некрос! – вновь крикнул сержант. И протянул руку.

Отдать глефу – словно часть себя. Отдать глефу – остаться безоружным. Но...

– Лови!..

Древко взмыло в воздух. Артеур ловко поймал его – видно, и впрямь был хорошим копейщиком, примерился.

Некромант ударил напиравших мертвяков быстрой руной, под плащом вспыхнул и распался медальон истинного стекла с вплавленной туда мифрильной проволокой.

Его он берёт на крайний случай – как раз такой и пришёл.

Грудь обожгло через все слои лёгкого кожаного доспеха, однако своё дело руна сделала – шестёрку неупокоенных отшвырнуло, сбило с ног, покатило по мокрой земле. Один врезался в покосившуюся рогатку, доломал последнее и теперь дёргался, пытаясь выбраться.

Повезло второй раз – и ему кол вошёл в спину.

«Эк удачно же попадаем!..» – мелькнуло у Фесса.

– Руби! – пока не накатил страх, что brave сержант может и промахнуться.

Руки вытянуты, цепь на козлах, некогда бывших частью рогатки.

Артеур рубанул.

Шипение, свист, и лезвие рассекло железную цепь словно гнилой канат, глубоко уйдя в вязкое дерево опоры.

– Лови! – Теперь настала очередь сержанта.

Некромант выпрямился. Хорошо, что никто не видит, как блестит от пота лоб и как вздрагивают пальцы, судорожно сжатые на отполированном древке.

Ходячие трупы один за другим поднялись, даже тот, что с колом в спине; однако между некромантом и личем уже не было ни одного мертвяка, и Фесс в тот же миг атаковал.

...Когда-то, давным-давно, в городе Эгесте, в сказке, которая, быть может, приснилась ему, его заклятия вызвали множество летающих черепов – черепов, что рвали жёлтыми зубами его противников, инквизиторов во главе с преславными отцами Этлау и Марком...

Было ли это или не было – не важно. Нужные чары сплетались, и никакой *откат* уже не мог ему помешать.

Лицо девушки в берете, девушки с двумя саблями в руках. Рысь, его Рысь.

Он видел её и совсем недавно. Тоже во сне, только в жутком и страшном. На пути, который можно пройти, увы, лишь не ощущая под собой тверди.

Мёртвое поднималось из мёртвого. Ты умел и искусен, лич, но и меня не зря звали некромант Неясыть.

Прах поднимался над дорогой, частицы некогда отжившего соединялись. Сила изменила ход, поменяла направление, рухнула каменной тяжестью на плечи некроманта, кончики пальцев онемели, и – знал он – стали черны и тверды, словно камень, ударь посильнее – раскрошатся.

Но тёмные иглы, не нуждавшиеся ни в какой иной форме, хлынули на лича сплошным потоком, разбиваясь о древние кости.

Лич больше не смеялся.

Вскинул ручищи – костяные пальцы сливались, вытягиваясь двумя смертоносными серпами, словно меч-хопеш. Иглы разили его, вонзались в провалы глазниц, в пустоту безносья, рассыпались чёрной пылью, по желтоватой кости паутинкой бежали трещинки, тотчас затягиваясь, но игл было слишком много.

Глефа плясала перед некромантом, разом чертя атакующую спираль, рождая руны разрушения и гибели, однако уже ясно было, что дело решит сталь – как некогда всё в том же Эгесте, во сне, что не был сном.

Они сшиблись – со спины на Фесса накатывались пятеро мертвяков, шестой отставал.

...И здесь не было Западной Тьмы, у которой можно было попросить помощи, даже великой ценой.

Ливень чёрных игл прекратился – лич ухитрился зачаровать каждую пядь собственного скелета, не поспешил; чувствуется множество алхимических эликсиров, впитанных старой костью, прячутся ушедшие вглубь руны и знаки, укрыты в аккуратно высверленных отверстиях крошечные обереги.

Лич делал себя по частям, медленно, методично и скрупулёзно.

Некромант прокрутил глефой восьмёрку (на самом деле – куда более хитрое и тонкое движение, многослойный символ власти рождался в единое мгновение), однако лич атаковал сам – куда делись медлительность и неуклюжесть, скрип костей и неверные движения!

Хопеш встретил начарованное лезвие глефы, искры так и брызнули; некроманта отбросило, так, что он едва удержался и едва успел отбить молниеносный выпад левого серпа, оставившего бы его без головы.

Каждое движение лича наполнила магия. Тщательно сберегаемая где-то в пустом межребье, она сейчас щедро выплёскивалась, тратилась, и, наверное, чудовище можно было бы измотать, если бы не его слуги.

Что он сделал с ними, этот лич?! Какое заклятье набросил, да так быстро и ловко?!

...Уклоняясь, он отступал. Они могли бы долго играть так с этим давно мёртвым чародеем – однако тут вмешался сэр Конрад.

Достойный отпрыск рода вер Семманусов ухитрился-таки справиться с чёрной жижей мертвяков, напавал валившей его людей, и сумел подняться. Сияние в его кулаке угасло, однако сэр рыцарь либо не заметил, либо не почувствовал.

– Во имя Господа!.. – завопил он, бросаясь вперёд с занесённым мечом.

Что ж, он, по крайней мере, не был трусом.

Однако один храбрый глупец, бывает, наделает больше бед, чем сотня умных трусов.

Сэр Конрад вкось рубанул в шею отставшего мертвяка, того самого, с пробитой спиной – лезвие засело в отвердевшей плоти, эфес вывернулся из руки рыцаря, и сам он поскользнулся на чёрной жиже, растянулся, вскрикнул.

Неуспокоенный с мечом в шее развернулся и рухнул сверху прямо на молодого лорда, растекаясь кашей и теряя форму.

Однако вер Семмануса защищало и что-то ещё, помимо доспехов.

Идиотская улыбка ещё играла на распухших и потемневших губах мертвяка, а тягучая слизь уже начала гореть, распространяя отвратительный смрад, словно кто-то накрыл костёр основательно протухшей звериной шкурой.

Размякшее мёртвое мясо обугливалось и рассыпалось пеплом. Выброс силы заставил лича обернуться – а сэр Конрад уже поднимался, быстро и неестественно, шатаясь из стороны в сторону, словно маятник очень спешащих часов.

– Сэр?! – Рыцарь даже не повернулся, он шёл прямо к сержанту и к девушке, по-прежнему укрывавшейся у того за спиной. Лицо у Этии – белее мрамора, глаза расширены.

Случилось всё это в считанные мгновения, пока некромант отражал ещё один выпад изогнутого костяного серпа. Он понял, что случилось, понял, что сейчас будет и никак не мог этому помешать.

Сержант тоже понял, кто нужен его господину. Он помешать попытался, однако благородный Конрад вер Семманус ловко поймал его пику голыми руками, резко оттолкнул – Артеур едва не опрокинулся в пламя пожара, всё ещё пожиравшего остатки сруба караулки.

И протянул руки к дрожащей, оцепеневшей от ужаса деве Этии Аурикоме.

Фесс попытался достать безумного простой и чистой силой, но лорд лишь стряхнул её с себя, словно пёс дождевую воду.

– Вот она, владыка! – прохрипел он, и голос его был поистине нечеловеческим. Хрип и рычание пополам с мокрым хлопанием, соединение несоединимого; рыцарь – или уже мертвяк? – сгрёб Этию в охапку, шагнул раз, другой; лич внезапно и резко сжался, прижал костяные лапищи к груди, серпы-хопешы исчезли, и сам он вдруг стал распадаться на отдельные кости и костяшки, рухнув бесформенной белёсой грудой, словно кто-то перерезал проволоку, стягивавшую воедино человеческий скелет в аудитории почтенного медицинского колледжа.

Вместе с ним падали, оседали и растекались дурнопахнущими лужами и остальные мертвяки. Рыцарь Конрад деловито волок впавшую в ступор девушку куда-то в сторону леса, и Фесс не мог поверить своим глазам – что случилось?! Почему лич отступил?... Почему сбросил столь тщательно сработанное, отлаженное вместилище своего злобного духа, и зачем ему теперь...

Взвыл ветер, ему отозвался огонь, бушевавший над караульной. Слепая сила ударила некроманта, словно мешок с песком, и он глазом моргнуть не успел, как рассыпавшиеся грудой кости подхватил плотный вихрь, закрутил воронкой, бросил в сторону, обхватил рыцаря и Этию; сэр Конрад пошатнулся, выпустил девушку и рухнул; а сама Этиа вдруг оказалась в сердцевине стремительно собиравшегося костяного кокона, выстраивавшегося с молниеносной быстротой.

Сердце не ударило и одного раза, а заострённый конец этого жуткого вместилища упёрся в землю, та брызнула в разные стороны, словно вода, и вся дикая конструкция исчезла, уйдя под поверхность; грунт с мокрым шелестом сошёл, открытая рана схлопнулась, оставив лишь небольшой взрыхлённый круг.

Брошенное некромантом заклятие полыхнуло голубыми росчерками боевой руны, но поздно, слишком поздно.

Фесс замер, обессиленно уронив руки.

Личу, оказывается, нужен был совсем не он. А вот эта странная дева Этиа Аурикома, утверждавшая, будто она из Эгеста, знавшая о случившемся в Кривом Ручье и о саттарской ведьме.

Некромант опустился на одно колено. Болело и ныло всё тело, словно лич отдубасил его тяжёлой сучковатой палкой.

Перед глазами плясали красные круги. Капли пота стекали по вискам, срывались с носа, а голова кружилась так, что хоть сейчас ложись да помирай.

– Некрос... эй, некрос?

Сержант Артеур. Надо же, уцелел в этакой заварухе...

– Давай руку, помогу. И... на лорда нашего, сэра Конрада, глянь, будь ласков?

Верный пёс... первый вопрос – что с господином? Даже не о том, что здесь случилось...

Земля переставала качаться под сапогами. Лич исчез окончательно – теперь Фесс не сомневался. Злобное присутствие больше не ощущалось; да и вившиеся над лесом гиббеты совсем скрылись. Иных поглотило пламя, остальные убрались восвояси – их хозяину они более не требовались.

Рыцарь Конрад вер Семманус замер недвижимым нагромождением тёмных доспехов и не шевелился.

– Что с ним, некрос? – настойчиво повторил сержант. – Глянь, а. Лорда нашего сынок. Моему попечению вручённый...

И теперь вер Семманус-старший живьём спустит с тебя шкуру, подумал некромант.

– Отойди, Артеур. Не знаю, что мы увидим, перевернув твоего молодого господина на спину. Где ваши лошади, кстати, сержант? Коновязи я тут не заметил.

– Здесь в лиге по дороге на Хеймхольм главная застава, на перекрёстке. Там коней оставили, сюда пешими шли. И господин тоже...

– Отойди, я сказал, – Фесс осторожно коснулся лежавшего остриём глефы. Сэр Конрад не шевельнулся.

– Может, надо...

– Отойди! – повторил некромант. На сей раз настойчивее. – Иди своих собирай. Покричи. Нечего им тут шляться, места, оказывается, у вас лихие. А я-то думал – один только слыгх на кладбище...

– Хорошо, хорошо, – заторопился сержант. – Уже иду, некрос – то есть господин некромант.

– Я постараюсь помочь, – заверил Фесс.

Если смогу и насколько смогу.

О похищенной деве Этии он думать себе сейчас запретил. След лича никуда не денется, слишком резко и сильно пришлось ему рвать землю, когтистыми когтями раскрывая себе путь. Как бы ни старался замести – до конца не спрячет.

На истоптанную землю вокруг неподвижного рыцаря ложились руна за руной. Фесс замыкал отпорный круг; рисковать не имело смысла.

Тем более что за личем этим теперь числился немалый должок.

Дюжина рун, одиннадцать замыкающих символов. Некромант отступил на шаг, привычно направляя силу в тёмные росчерки.

Сэр Конрад застонал и зашевелился.

– Что?... Где?... Эй, кто-нибудь?!

Голос его звучал совершенно обыденно, словно и не побывал рыцарь под растекающимся мертвяком, словно и не терял воли, превращаясь, хоть и ненадолго, в безвольную куклу, управляемую личем.

– Эй!.. – вновь окликнул рыцарь. Кряхтя, повернулся, заметил Фесса.

– Чего стоишь, помоги!

– Вставай сам, – холодно сказал некромант.

Конрад зарычал. Упёрся руками в землю, попытался подняться; натолкнулся на очерченный круг и дёрнулся, вскрикнул.

– Арх! Это что ещё?!

– Отпорный круг. Для отвержения нечисти, – всё тем же ледяным тоном пояснил Фесс.

– Я не... я не!.. – аж поперхнулся от ярости рыцарь. – Освободи, холоп, немедленно!.. Сейчас придут мои люди, и – сержант! Артеур, чтоб тебя псы сожрали, где ты?!

– Мой круг не пропускает тебя. Ты – мертвяк, Конрад вер Семманус.

– Что?! – ярился и плевался тот. – Богомерзкий колдун! Проклятый ересиарх! Помойная помесь осла и ехидны!..

– Решительно не вижу, что плохого в трудолюбивом смирном ослике, равно как и в безобидной ехидне, похожей на дикобраза, – пожал плечами некромант. – Стой смирно. Круг может тебя обжигать.

– Что?! Как смеешь?! Сержант! Сержант, где ты?! Знак сорву, паршивец, запорю, негодай!..

– Потихе, любезный. Сержант в лесу, пытается собрать ваших людей. А мы пока...

– Что? – жадно выпалил Конрад. Ткнул от себя кольчужной рукавицей, отдёрнулся, скрипел болезненно. – Выпусти меня, некромант! Никакой я не мертвяк, слышишь?! Хочешь, Символ Веры прочитаю?... И образа святого коснусь!..

– Касайся, – кивнул Фесс. Это и впрямь было интересно. Хотя ясно и так, что молодой лорд Семманус если и мертвяк, то очень необычный.

– Еретик прегнусный и веры лишённый... – пробурчал рыцарь. – Господи, спаситель наш, во всей славе Твоей! Верую в Тебя, и в пришествие Твоё, и в силы Твои, и в...

Хорошо читал юный Конрад. Сильно и с выражением. Мертвяки так не читают – они вообще мало что способны произнести членораздельно. А уж Символ Веры... нет, он не смертелен для них, но, во всяком случае, любят они его не слишком.

Однако руны не врут. Человек с рыцарским гербом на груди, громко и старательно читавший строки Писания, с точки зрения магии человеком уже не был.

– Достаточно тебе, маг?! – задыхаясь, выкрикнул рыцарь. Сейчас он казался совсем молодым, мальчишкой, невесть почему вырядившимся в доспехи если не отца, то старшего брата.

Фесс опустил взгляд – руны в порядке. Никакой ошибки, никакого сбоя. Они не выпускали замкнутое в круге существо, пусть даже оно и смогло с выражением прочесть Символ Веры.

Что это? Откуда взялся этот лич – слухи о нём ходили, но не более того. Зачем ему Этия Аурикома, странная девушка со странным именем, совершенно непохожим на эгестские, как он их помнил?

– Выпускай меня, некромант! – всё так же буйствовал рыцарь. – Выпускай, слышишь?!

– Слышу, слышу, – пробормотал Фесс, обходя кругом негодующего сэра Конрада. – Что ж, благородный сэр, говорите, выпустить вас? А поведайте мне тогда, зачем же вы схватили несчастную деву, пребывавшую под моей защитой, выдав её злокозненному личу, несомненно богохульнику, ересиарху и нарушителю всех заповедей?

С этими рыцарями – чем выпреннее выражаешься, тем лучше.

– Я?! – совершенно искренне изумился сэр Конрад. – Чтобы я предал бы невинное... э-э-э... то есть, я хотел сказать, существо, пока ещё не осуждённое его светлостью маркграфом... чтобы я предал бы такое существо мерзкому чародею, вылезшему из склепа?!

Эх. Поневоле вспомнишь отца Этлау. Вот уж кто умел отличать правду от лжи.

– Именно так. – Глефа поднялась в боевую позицию, звякнули свисавшие с запястий обрывки железных цепей. – Ты исполнял приказы отвратного лича, рыцарь. Ты осквернил себя служением злу. Мои руны не выпускают тебя.

– Плевать на твои богохульные малевания!.. – Забывшись, Конрад бросился плечом вперёд, знаки на земле полыхнули белым, молодой вер Семманус со стоном рухнул на колени.

– Руны не лгут, – повторил некромант, на сей раз вслух. – Я не могу освободить тебя.

– Господин маг! Э-эй, господин чародей!..

Сержант Артеур, запыхавшись, бегом бежал прямо к ним. Следом – примерно дюжина людей вер Семмануса из успевших разбежаться по лесу.

– Стоять! – вдруг скомандовал Фесс, вскидывая глефу. – Сержант! Артеур, поведай сэру рыцарю, что тут случилось и что сэр рыцарь содеял с девой Этией!

Сержант только и смог разинуть рот.

– Господин некромаг...

– Отвечай! – Фесс сдвинул брови.

– В-вы, вы, сэр Конрад – только не гневайтесь на меня, сэр, ради Господа нашего Всемогушего – вы, вас... зачаровало вас, вы деву ту-то и того, скрутили... а чудище костяное – лич, да, господин некромант? – её тоже того, уволокло...

– Враньё! – не смутился вер Семманус. – Сговорились, подлые еретики!.. Говорил я тебе, Артеур, что звезду сержанта сорву и запорю за ложь твою?! Некромагу предался ты, пока я тут без чувств лежал, колдовством с ног сбитый!..

Сержант аж покраснел от обиды, скривился и набычился.

– Воля ваша, сэр Конрад, а только всё так и было, как я говорю!.. Околдовало вас чудище костяное, вы деву-то ему и отдали!..

– Если меня кто и околдовал, так этот треклятый некрос!.. – сплюнул рыцарь. – Эй, ты, слушай...

Фесс молча коснулся остриём глефы одной из рун, и Конрад вер Семманус мешком вывалился из отпорного круга, словно кто-то дал ему хорошего пинка. Поднялся, дико вращая глазами и озираясь по сторонам.

– А? Что?...

– Докажи, – льдисто блестящая глефа поднялась для атаки, – докажи, что ты не мертвяк. Давай, сэр рыцарь.

– Как?! Как я тебе это докажу, несчастный?! – ярился Конрад. – Эй, вы, бездельники! Труссы сбеглые!.. Меч мой подали мне, быстро!..

Сержант Артеур дёрнулся было, но затем кивнул одному из своих – выполняй, мол.

– Ну? – сварливо осведомился рыцарь, чуть не вырвав из рук копейщика со всем почтением поданный ему клинок. – Дальше что, колдун?! Не мог никакой лич меня зачаровать, у меня мощи, как я говорил, самого святого Каброна, знатного мертвяков гонителя!..

Некромант не ответил. Смотрел то на рыцаря, то на сержанта, то на пожар.

– Думаю, – сказал он наконец, – что после всего случившегося нам надлежит вернуться в Хеймхольм. Мы столкнулись с личем, а это не шутка. Думаю, сэр рыцарь, вам лучше всего отправиться со мной. Людей ваших можно оставить здесь – могильное поле Эшер Тафф мною очищено. А вот вы, сэр рыцарь... я б на вашем месте поговорил со святыми отцами. Ибо лич вас таки подчинил, хоть и на время.

Сэр Конрад открыл было рот, но взглянул на сержанта – и осёкся.

– Да, досточтимый. Артеур не лгал. Вы были одержимы личем. И мои руны это подтверждают.

– Тогда... тогда... – сэр Конрад сглотнул. Вся бравада куда-то вдруг делась, лицо поседело. – Тогда я и впрямь должен... духовнику... отцу Церепасу...

– Несомненно, – мягко согласился некромант. – В дорогу, сэр рыцарь, в дорогу, не откладывая и не мешкая. Упряжка моя вам придётся не по вкусу, ну да другой, увы, нет.

Интерлюдия 1

Пробуждение

Скалы вокруг, обычные такие скалы, серые с чёрными прожилками. В трещинах корятся горные травы, мелкие кустики, по откосам карабкаются выюны, цепляясь усиками за мельчайшие выступы и выбоины. Горы стары, не одно столетие трудились над ними два великих рабочих – вода и ветер; и как же он, Фесс, оказался здесь?

Жёстко лежать на голом камне; он глянул – торс обнажён, живот и ноги прикрывает какая-то шкура.

– Не хотела тебя смущать, – раздался знакомый голос.

– Аэ!.. Ты!..

– Ну да, я. – Драконица смутилась сама, заметив его взгляд, брошенный на шкуру. – Это ж так, козла местного поймала. Кстати, поешь.

– Где... мы?

Аэ улыбнулась, чуть склонив голову набок.

– Не знаю.

– К-как?

– А вот так. Не знаю.

– Но... мы же попали сюда?

– Попали, – кивнула она. – Был огонь, была тьма, всё взрывалось и горело, а потом приходил мрак... – Драконица вдруг зябко обхватила плечи. В отличие от Фесса, она была одета – впрочем, Аэсоннэ сызмальства, ещё совсем крошечной умела магией создать себе любое одеяние. Вот и сейчас – грубоватая кожаная куртка на шнуровке, на плечах и локтях тускло поблёскивает металл. Простые холщовые штаны заправлены в низкие мягкие сапожки, широкий пояс, но кольца для оружия пусты.

– То есть то место, где мы спали...

– Его больше нет, – перебила Аэ. – Всё вспыхнуло и распалось. Всё, и камень, и скалы, и пространство, и время.

– И ты...

– И я полетела, – просто сказала драконица.

– Куда?

– Куда глаза глядели. Где не было огня и тьмы. – Она вздохнула, покачала точёной головкой, жемчужные пряди мотнулись из стороны в сторону.

– А потом? – Пустота внутри болела и ныла, утраченная память кровоточила, словно вырванный кусок собственной живой плоти. – Потом-то что?

– Потом... – отвернулась драконица. – Я летела. Ни о чём не думала, вот честное слово! Просто чтобы лететь. Тьма меня хватала, и огонь хватал, и осколки зелёные посекали – а я летела, да и только. Пока не увидела солнце.

– Солнце?

– Угу. – Она озабоченно потянулась, тронула прохладными пальцами его лоб. – Хорошо. Уже лучше. Совсем скоро встанешь.

– А... что со мной? И солнце-то – откуда солнце?

– Не ведаю. Оно просто появилось, глянуло сквозь туман. И я – к нему. Сквозь небо. Разбила там, кажется, что-то... – Она виновато взглянула вверх, ну точь-в-точь девчонка, расковавшая банку с вареньем у строгой тётушки. – Звону было!.. ну, точно, как через хрусталь.

– А ещё потом?

– Ещё потом... – задумалась Аэ. – Ещё потом помню, как падала, крылья не держали. Не на что опереться, ни воздуха, ни... силы. Падала, в общем. Кувыркалась. Думала, что ой, всё.

– Но ведь не ой, всё? – Хотелось коснуться её руки, подбодрить, как встать, как тогда, до его сна, когда она была ещё маленькой.

Драконы растут и быстро, и медленно. Быстро обретают сообразительность, но полной силы достигают лишь за несколько человеческих жизней, и остаются потом такими же – долго-долго.

– Не всё, – кивнула она и вновь улыbnулась – устало, как после долгой-долгой работы. – Падать-то я падала, сквозь серую мглу, а потом вдруг ррраз – и как подхватило, как понесло, мир под нами закружился, завертелся, заблестал – я жизнь почувала. Сила хлынула, да не такая, как прежде, непривычная, словно... словно горькая.

– Горькая сила? – не понял он. – А раньше какая была?

– Раньше безо всякого вкуса, – терпеливо пояснила Аэсоннэ. – А теперь есть. Только горький. Такой, знаешь... как пиво.

– Это ещё не самое плохое, – попытался он пошутить.

– Не самое, – кивнула она. Глаза вспыхнули – старой, былой силой и памятью истинных драконов, хранителей Кристаллов Магии Эвиала. – Сила меня и спасла, хоть и горькая. Время... – Аэ запнулась, – дикие фокусы выделявало. Такие, что и сказать нельзя. То ли вскачь, то ли потоком-водопадом, и каждая капля... да нет, нет, чепуха.

– Чепуха? В чём чепуха?

– Каждая капля – это мир, – отчего-то шёпотом проговорила драконица.

– Капля времени? – совсем растерялся некромант.

– Или не-времени. Может, пространства. Не знаю, не спрашивай пока. В общем, потом все эти штуки кончились, и я горы увидела. Горы как горы, старые, со льдами. Вулканы кое-где имеются. И на них-то мы и опустились. Ты был, – она зарумянилась, – словно во сне, но прежний ты. Как я тебя всегда помнила. Без... без примесей.

– Каких ещё примесей?!

Драконица избегала его взгляда.

– Тьма... – наконец прошептала она.

– Тьма? Вот ещё, что ж это за «примесь»?

– Есть тьма – и тьма, – она прикусила губу, брови изломились. – Даже нет, тьма, тьма и тьма. Целых три, говорит мне память крови. Одна – просто сила, как свет. Другая – просто темнота, как ночью. И третья... – Аэ заколебалась.

Он покачал головой. Память играла с ним в прятки – высывалась и вновь исчезала, имена без образа и образы без имён.

– Та ипостась великой Тьмы, что есть чистое разрушение.

– Разрушитель... – вдруг вспомнил он. – Так меня звали...

Аэсоннэ вздохнула, коснулась его лба прохладными невесомыми пальчиками, такими обманчиво нежными.

– Разрушитель – это просто орудие, – сказала наконец, словно утешая тяжело больного. – Топор дровосека. Он свалит дерево, но обогреет семью. А та тьма, о которой я, – это совсем иное. Это жажда рубить просто для удовольствия.

Он поморщился. Память тасовала яркие картинки, ни на одной не останавливаясь. Академия Высокого Волшебства и девушка по имени Атлика.

Гора с названием Пик Судеб и ходячие мертвецы в её подземельях.

Кажется, он умер тогда.

– Я никогда не... рубил для удовольствия.

– Нам это кажется, и мне, и тебе. Дракон не рождается без жажды воплотиться драконом, некромант не овладевает искусством без тяги к запретному, к разрушению основ, к тому, чтобы бросать вызов – просто ради того, чтобы его бросать.

Тот, кого некогда звали Фессом, Неясутью, Кэром Лаэдой, устало прикрыл глаза.

– Аэ... Давай не будем философствовать. Под нами камень, над нами небо. Этого, мне кажется, вполне достаточно. Нас зашвырнуло в какой-то из дальних миров Сущего; давай поймём, где мы, да и в дорогу.

– В дорогу? – Она вскинула обжигающий взгляд. – Куда? В какую дорогу?

– Не важно, в какую, лишь бы отсюда.

– Хорошо, – послушно склонила голову драконица. – Полежи ещё немного, – и осторожно опустила всю ладонь ему на грудь, туда, где сердце.

Он ощущал все бугорки и мозоли на её руке; Аэсоннэ щедро делилась с ним своей собственной силой.

– Сейчас... – Она раскачивалась, прикрыв глаза. – Сейчас... а потом поешь, только обязательно... я ж тебе говорила...

Кровь веселее бежала по жилам; беспечно перекликались какие-то птицы, поднявшиеся высоко, почти к вечным снегам. Жизнь – жизнь повсюду, молодая, жадная, жестокая; где в ней твоё место, некромант?

– Мы отыщем его, – посулила драконица.

– Читаешь меня? – Он слегка свёл брови.

– Только чтобы помочь.

Она помогала. Становилось уже почти жарко, леденящая слабость поспешно отступала.

– Садись, – Аэ протянула руку. – Садись и ешь.

Перед некромантом появилась основательно прожаренная нога некоего копытного, надо понимать – того же козла, кому некогда принадлежала и прикрывавшая Фесса шкура.

– Пропекла в собственном огне, – гордо объявила драконица. – И травок натолкала, какие нашла. Вот... лук дикий дудчатый, лук медвежий... что нашла поблизости... ты ешь, ешь, на меня не гляди.

Он впился зубами в хрустящую корочку. Как у этой девчонки получается так запечь целую часть туши?...

– Ешь, ешь, – только и приговаривала она.

...В сторону полетела дочиста обглоданная кость.

Они спускались с гор, диких, заросших, безлюдных. Аэсоннэ, тихая и неожиданно примирившаяся, послушно шагала следом, даже не пытаясь принять свой истинный вид и взлететь. Некромант кое-как обмотал чресла шкурой – драконица, по её словам, «пару разочков на неё пыхнула», во всяком случае, кожа была сухой.

Но, кроме этого, у них ничего не было. Одежда Аэ, сотворённая магией – только для неё самой, с ним она поделиться при всём желании не сможет.

Хотя сила здесь была. Да, была, и немало. «Горькая», по выражению драконицы. «Горькая» и странная. Она не давалась, ускользала, обманывала.

Он попытался было пустить в ход несложные чары, с готовностью подsunутые памятью – его первый экзамен в Академии Ордоса, вопрос, заданный мастером Воды, «малый каскад иллюзий на триста саженей», простые жесты, которыми он, помогая себе, придавал форму свободно текущей силе...

Сила вырывалась, словно гибкая и сильная водяная змея, вдобавок донельзя скользкая. Норовистая, она словно обладала собственной волей, и отнюдь не рвалась выстраивать какие-то там живые картинки непонятно для кого.

– Аэ, как тебе удаётся...

– Драконы вбирают силу, как дышат, – чуть виновато пояснила та. – Однако здесь... здесь очень трудно дышать. Словно на высоте. Или под водой.

– Но ты летаешь, можешь сменить облик – так?

– Могу. Но с куда большим трудом, чем там, дома, в Эвиале.

В Эвиале...

Словно отозвалось гулким эхом, взламывая пласты беспамятства. Северный Клык, угрюмая одинокая башня, старик – старик Парри, мастер рунной магии, вручивший будущему некроманту кольцо-пропуск и отправивший его в славный град Ордос...

Немного поколебавшись, некромант выломал себе добрый можжевеловый посох. С чарами пока не очень, кто знает, уж не ожило ли старое недоброе «правило одного дара»?

И точно – тело повиновалось куда лучше чар. Посох послушно проделал шипящую мельницу, закрутился в восьмёрках, верхних и нижних петлях, словно стараясь убедить – меня используй, хозяин, меня!..

Ели вздымались всё выше, всё теснее – горный лес надвинулся на странников, зажурчал невидимыми ручьями, раскинул под ногами мягкий ковёр из опавшей хвои; здесь была весна, весна молодая и дружная.

Но выше по склону каким-то образом успел взойти не только медвежий лук.

– Всё знакомо, – раздалось за спиной. Аэ шагала, постоянно озираясь. – Ёлки, как у нас в Эгесте. А вот это – пихты. Они тепло любят вообще-то – а рядом с ними лиственницы, этим, наоборот, холод подавай. Они вместе редко растут...

– Но это ж в Эвиале, – заметил некромант. Сам он, правда, никаких подробностей о елях с пихтами, равно как и о лиственницах, не помнил напрочь. – А где мы сейчас?...

Драконица не ответила. И по-прежнему старалась на него не смотреть.

Глава 4

Кипела битва, полыхал пожар, сшибались в смертельной схватке люди с мертвяками – однако упряжные зомби, тащившие двуколку некроманта, на это не обратили никакого внимания. И их словно бы никто не заметил – тот же лич даже не попытался подчинить их своей воле. То ли не мог, то ли не успел.

За спиной осталась разгромленная застава; сруб караульни догорел, стены обвалились, дымилась лишь груда углей. Молодой сэр Конрад ёрзал, дёргался, то ощупывал собственное лицо, то, стащив боевые рукавицы, разглядывал ладони, словно впервые увидев.

– Некрос... некромаг...

Фесс не отвечал, глядя на постепенно светлеющую дорогу, что стала заметно ровнее и шире.

– Сударь некромант, – наконец выдавил из себя юный рыцарь. – Сударь, прошу, ответьте мне...

Теперь он заговорил куда как вежливее.

– На что ответить, благородный вер Семманус?

Рыцарь опустил голову.

– Эта... одержимость... то, что лич овладел мною... душа моя погибла, верно, да?

– Душа? – искренне удивился Фесс. – Помилуйте, сэр Конрад, о душе своей вам лучше побеседовать с вашим духовником – отец Церепас, верно? Как могу я, некромаг, кому не переступить порога храма Господня, рассуждать о спасении души?

– Вы тот, кто смотрит за край, – Конрад сцепил пальцы, чтобы не так дрожали. – И, сдаётся мне, знаете поболее отца Церепаса, Господи, прости мне слова сии...

Мальчишка трясётся. Мальчишка в ужасе. Сколько ему – шестнадцать, семнадцать? Крупный, рослый, сильный. А сейчас вот только чуть-чуть глянул даже не *за грань*, а так, на общие очертания Врат, и все поджилки ходуном заходили.

...А давно ли тебе было шестнадцать или семнадцать?

Давно ли тётушка Аглая и душевная её подруга мэтр Клара Хюммель дружно пытались его женить?...

Когда и где это всё было? Призраки памяти, призраки его прошлого, воспоминания из-за черты.

Здесь, в достославном маркграфстве Ас Таолус, слыхом не слыхивали ни о каком Спасителе. Господь у них был, Господь Вседержитель, усмиривший огненный Хаос и ставший миром, а потом явившийся в него, дабы наставить всех в спасении.

И никогда здесь никто не подозревал ни о какой Межреальности.

– Никто никогда не заходит за Врата, – Фесс смотрел прямо перед собой, голос его звучал глухо. – Есть много легенд. Кто-то из древних авторов утверждал, что все души после смерти подхватывает исполинская река, унося их к...

– Ересь! Ересь! – перепугался юнец. – Господь милостивый, прости мне, что слушаю такое!..

– Да погоди ты. – Некромант отбросил вежливое «вы». – Потом грехи свои отмолишь. Отвечай – совсем ничего не помнишь? Что последнее?

Кажется, подействовало. Во всяком случае, рыцарь уже не упоминал о собственном благородном происхождении.

– Помню – я его рубанул, – шёпотом сообщил юный сэр. – Мертвяка. По... по шее, кажется. Меч потерял. И потом... – он мучительно сморщился. – Голос. Да, голос. «Принеси мне её» – как-то так.

– Теперь ты помнишь, сэр рыцарь.

– П-помню.

Молчание. Шаркают подошвы грубых сапожищ на неживых ногах. Солнце всё выше. Лесная дорога преображалась – радостное утро, самое начало осени, когда уже свозят с полей урожай и хозяйки хвастаются друг перед другом громадными тыквами.

– Зачем личу эта дева? – Кажется, сэр Конрад уже совершенно забыл о своём изначальном намерении забить жуткого некромага в колодки и отправить с конвоем в Хеймхольм. И, молодец, он всё-таки подумал о других, не утонул в собственном ужасе о погибающей душе.

– Не знаю, – совершенно искренне ответил Фесс. – Она из странных мест, из Эгеста – не слыхал о таком, сэр рыцарь?

– Нет, сударь некромант. – Юноша задумался, потом потряс головой. – Хотя... слышал солдатские байки, но так на то ж они и байки!

– Не бывает дыма без огня, – подбодрил некромант. – Так что ж это за байки?

– Эгест – это такая страна, на востоке. За рекой Армере. За Чашным хребтом, за степью Маалуса. Там, где начинаются владения змеелюдей.

– И что же там?

– Страна Туманов – так говорят. Видения, миражи, мороки. Там пропадают караваны, неосторожные путники – все. Только со словом Господним на устах можно пройти сквозь ту землю. Отец Церепас говорил...

Страна Туманов, подумал Фесс. Страна из моего прошлого, страна мороков и миражей. И оттуда является девушка Этиа Аурикома. Является, чтобы угодить в лапы недостойному рыцарю Блейзу, из ордена братьев Чёрной Розы. Этиа, которую опоили сонным зельем и увезли из родных мест...

Что ж, придётся навестить Хеймхольмскую командорию Чёрных Роз.

Сержант Артеур справится на сгоревшем посту. Ему, Фессу, там делать нечего. Плату за работу он получает, и...

И будет искать лича. Потому что это первая ниточка, первая... нерегулярность в том, что окружало его последние месяцы.

А окружало его подлинное безумие.

Мир, возникший из ниоткуда. Мир с веками истории, мир похожий и непохожий на привычные Эвиал с Мельином, ну и другие, в каких удалось побывать, пока ещё жил в Долине, с отцом и мамой, в нарядном, уютном доме, где было счастье.

А потом пробуждение, и...

И чужие горы под чужим небом.

Тонкая рука Аэ...

«Нет! – мысль обжигала, подобно раскалённому железу. – Об этом я не буду думать. Никогда и ни за что. Не буду думать, пока не найду ответа и решения. Пока не исправлю случившееся».

– Значит, Страна Туманов, – услышал он свой голос. Голос был спокоен и не выражал ничего, кроме должного интереса к словам молодого рыцаря. – Да, забавная байка. Ничего больше.

– Так, выходит, похищенная дева оттуда родом? – оживился сэр Конрад. – Из сей загадочной земли?

– Я не успел расспросить её, сэр рыцарь.

– Но вы же... она была под вашей защитой, сударь некромаг!

«Вы» путалось с «ты». Впрочем, хорошо, что молодой лорд перестал трястись осиновым листом.

– Была. Но не поведает ли, сэр Конрад, не сталкивались ли вы в своём дозоре с неким рыцарем Блейзом или Блайсом, братом Чёрной Розы?

– Как же не сталкиваться! Сталкивался. Через заставу он проехал вчера после полудня. На боевом коне, в полном вооружении.

– И предъявил подорожную?

– Предъявил, – слегка покраснел рыцарь.

– А не имел ли он с собой груза? Такого, весьма заметного тюка или мешка?

– Имел, к-кажется... – сэр Конрад мучительно пытался вспомнить. – Погоди, сударь некромант... уж не хочешь ли ты сказать...

– Дева Этиа была найдена мною на жертвеннике в самом сердце поля менгиров, где под землёй залегают катакомбы Эшер Таффа. Она уверяет, что её похитили из родного дома, после чего рыцарь Блейз оставил её на камне – как приманку, надо полагать. Он не раскрыл тебе, сэр Конрад, своей цели?

– В подорожной было сказано, что брат Чёрной Розы направляется истребить поднятых из могил мертвецов как раз на кладбище Эшер Таффа!.. – Юный лорд уставился на Фесса широко раскрытыми глазами. – Но не может быть!.. Братья Чёрной Розы известны своим благочестием и добронравием!.. Они повергают зловредных тварей Тьмы, противных Господу, и не трогают невинных!..

– Всё это, равно как и многое другое, нам предстоит разузнать в Хеймхольме, сэр рыцарь.

– Если... если духовник мой благословит меня, хотел бы помочь... – выпалил Конрад и осёкся.

Некромант понимающе улыбнулся.

– Благодарю. Но не стоит, досточтимый. Я знаю, что Святая Церковь не одобряет моих занятий. Считает, что неупокоенные есть бич Божий, наказание за грехи, и бороться с ними надлежит совсем иными методами, нежели мои. Духовник твой едва ли будет доволен твоими стремлениями, сэр рыцарь.

Конрад вновь покраснел. Прикусил губу, вновь глянул на собственные ладони.

«Молодой. Какой же он молодой», – мелькнуло у Фесса. Нет – у мага Долины по имени Кэр Лаэда. Бросившего Академию и устремившегося на поиски приключений...

– Тебя не смущает больше моя упряжка?

– С-смущает, – признался рыцарь. – Ибо угрожает спасению души моей.

– В этом, надеюсь, тебе поможет твой духовник. От этого греха он тебя разрешит – ибо тот, кто спешит к святому отцу на исповедь, вправе пользоваться любым средством. Вот даже твой святой. Каброн – разве не оседлал он мертвяка, дабы перебраться через разлившуюся реку и поспеть к умирающему?

– Д-да, – несколько взбодрился юный сэр. – Ты хорошо знаешь Писание, сударь некромаг! Но ты же не в церковной ограде?

– Нет, – усмехнулся Фесс. – Мы со святыми отцами слишком уж во многом не совпадаем. Да и ты сам, досточтимый рыцарь, собирался забить меня в колодки, разве нет?...

– Строгий приказ его светлости маркграфа... – начал было рыцарь, но на середине фразы скуксился, повесив голову.

– А с чего ради его светлость издал столь строгий указ?

Конрад втянул голову в плечи.

– Говорили... гонец его светлости... что бродят по дорогам новые мертвяки, ни в чём не отличимые от живых; ходят, и будят погосты, и оставляют за собой поднятые, из могил выкопавшиеся трупы...

– Вот как? – искренне удивился Фесс. – Не сталкивался. Бургмейстер Хеймхольма нанял меня покончить со *слыгхом* на менгирном поле, а вот про бродячих неупокоенных, что будят погосты я, право же, не слыхал.

– Говорят, что прибыла целая конгрегация истребителей нежити от самого Святого Престола, – Конрад испуганно обернулся, словно она «конгрегация» могла выскочить из придорожных зарослей. – Говорят, будут искать корень зла...

– И что же, наличие подорожной означало?...

– Ну конечно! Как же мертвяку получить оную у достопочтенного кастеляна?

Святая простота, говорили о таких.

– Что ж, сэр рыцарь, наверное, ты прав. Поведай мне об ином. Когда на нас набросились смерть-дети, ты сражался не столько мечом, сколько талисманами, оберегами...

– Не талисманами и не оберегами, то ересь! – мигом вскинулся Конрад. – Мощами святых отшельников и просветлённых мужей! Умельцами монастырей в Бен Акве и Бар Роване сотворёнными! И разве не видел ты, сударь некромаг, как разили они нежить?

– Видел. И видел, как они разрушались. Ты мог использовать их только один раз, сэр Конрад.

– Верно. Но...

– Не будем спорить, что лучше, каждый хорош в своём ремесле. Значит, святые мощи...

– А также освящённые реликвии! – вставил молодой рыцарь.

– Пусть будут реликвии. Что ж, благодарю, сэр Конрад.

– Не за что, сударь некромаг. Хотя... хотя... как доброе чадло Господне, прошу тебя – покайся, прими...

Некромант едва заметно усмехнулся.

– Прости, сэр рыцарь. Но я не раз уже слышал эти речи. Не станем заводить их вновь.

Конрад горячо запротестовал:

– Нет! Нет! Всякий состоящий в лоне Святой Церкви обязан, узрев задержавшегося возле врат, помочь ступить через порог...

– Я стою у совсем иных врат, – перебил некромант. – Нет нужды продолжать, досточтимый.

Мальчишка-рыцарь понурился. Какое-то время молчал, а потом вновь стал приставать с расспросами, не погибла ли его душа, уж раз сударь некромаг так хорошо знает деяния святых?...

* * *

Стены и башни Хеймхольма поднялись над озером, что сверкало полуденным блеском. Ветер подхватывал длинные и узкие штандарты на башнях, тянул их, трепал, заставлял хлопать, гнул прочные дубовые древки. Повозку и упряжных зомби пришлось оставить на постоялом дворе перед городскими воротами, в глухом каменном загоне. Содержатель трясся и дрожал, маленькие глазки полнил ужас, но отказать Фессу он не посмел – сказался внушительного вида пергамент с печатями городской ратуши и самого бургмейстера.

Тягловых своих мертвяков некромант загнал в стойло и тщательно запер. Молодой Конрад вер Семманус вертелся под ногами и всячески мешал.

– Ты разве не спешишь к своему духовнику?

– Спешу. Но...

– Я тоже спешу. В управу. За платой.

– Можно я с тобой, сударь некромаг? Ведь наверняка придется рассказать и про лича, а тебе будет нужен свидетель из благородного сословия, из уважаемого рода...

Мальчишка был совершенно прав.

– Почту за честь, сэр Конрад.

Славный град Хеймхольм встретил их запахами смолы, рыбы, дыма и жарившейся на рынках требухи; пылью и навозом под ногами, конским и коровьим; узкими улочками, нависающими верхними ярусами домов. На них косились – впрочем, по большей части хорошенькие служанки, бросавшие на молодого Конрада такие взгляды, что тот так и брёл, пунцовый, как свёкла.

В ратуше двери открывались перед ними словно сами собой, а прислуга и стражники старались подобру-поздорову убраться с их пути.

Здесь были суровый камень да толстенные брёвна, ошкуренные и обожжённые. Хеймхольм стоял на западной границе маркграфства, но селились тут большей частью северяне, привычные к распрям с Империей Духа.

Гобелены изображали славные битвы горожан – правда, тканью изрядно закусил тряпичные черви. Занимали целые простенки композиции из побитых щитов, проломленных шлемов и сломанных копий – как утверждали в Хеймхольме, всё это взято было в бою с тех рыцарей и их дружинников, кому достало глупости требовать с города дань.

Широкая лестница холодного бутового камня вела вверх. Двое стражников в начищенных кирасах, шлемах-кабассетах и с алебардами поспешно расступились.

– Господин бургмейстер? – осведомился некромант.

– Господин бургмейстер немедленно примет господина мага. – Старший из алебардистов пятился, пытаясь в то же время осенить себя Господним знамением.

Кабинет – или контора – господина бургмейстера отличалась тем, что вместо гобеленов со славными битвами стены его украшали головы волков, кабанов и медведей, все – с явными признаками оборотничества.

Рыжебородый великан поднялся с кресла, коим служил цельный комель дерева. Нос у господина бургмейстера явно отрицал наличие благородных кровей и напоминал картошку, щёки были красны и свидетельствовали об охоте до крепкого эля. Дублет господина бургмейстера украшала массивная серебряная цепь – центральное звено в виде крупного мифрильного кольца.

– Мастер Граллон Салдобрул, моё почтение, – некромант поклонился первым. – А это – юный сэр Конрад...

– Конрад вер Семманус! – гордо объявил рыцарь. – Отец мой...

– Тихо, тихо, – поморщился бургмейстер. Вид у него был явно помятый – ночь, видать, выдалась весёлая. – У меня в голове словно орда пьяных гномов молотами колотит. Тихо. Некромаг, ты явился сообщить о...

– Об очищении погоста Эшер Тафф.

– Эшер Тафф... – мастер Граллон явно страдал от последствий вчерашних возлияний. – Проклятое местечко... Ну так что, ты управился со слыхом?

– Там не оказалось слыха, бургмейстер. Вместо него – три каттакина, летаец и друг. Рыжебородый недоверчиво свёл брови.

– И они тебя не растерзали, некромаг?... Если, конечно, хотя бы половина того, что я слышал об этих созданиях, правда...

– Отнюдь, – пожал плечами Фесс. – Вот, пожалуйста, смотрите, – и он полез в суму.

– Нет! Нет! – замахал руками мастер Граллон. – Не хватало ещё вываливать мне тут свои богомерзкие останки!..

– Не мои, а неупокоенных, досточтимый.

– Всё равно я в твоих костях ничего не смыслю!.. И говорю тебе – там был слых, как доносили святые отцы!.. Вот за слыха я тебе и заплачу – после того, как...

Фесс даже не успел закатить глаза, как за спиной раздался шаг, и скрипучий голос произнёс:

– Не советую вам спорить и торговаться с некромагом, Граллон, чадо моё.

Наверное, Фесс сделался блее мела, потому что Конрад аж рот разинул и попятился. Этот голос – нет, не может быть!..

Он досчитал до десяти. Как когда-то, в деревушке под названием Большие Комары...

Невысокий широкоплечий монах в простой коричневой сутане, подпоясанный кожаным поясом гномьей работы с несколькими мелкими сумками, в петлях шестопёр. Большая лысина, и один глаз закрыт чистой белой повязкой.

Некромант обернулся соляным столпом.

Новоприбывший прошествовал к столу бургмейстера, бегло взглянул на пергамент Фесса.

– Моё почтение, сударь некромаг. Благословения не предлагаю, вам оно ни к чему.

– Эт... Эт... – только и смог выдать Фесс.

– Эт?... – поднял бровь монах. – Позвольте представиться, отец Виллем Зейкимм, старший дознаватель конгрегации Света Святого.

– Этлау... – имя наконец выбралось на волю.

– Простите? – не понял монах. – Этлау? Премерзкий городишко, доложу я вам. Хотя я и оттуда родом, но правда превыше всего... Э-э, сударь некромаг, что ж вы так на меня смотрите? Право же, клянусь Господом нашим, я не мертвяк.

Сердце Фесса бухало тяжело и с болью, билось о рёбра пойманной птицей.

– Прошу простить, отец Виллем, – слова получались хриплыми и натужными. – Вы... просто очень похожи на... на одного человека...

Бургмейстер позволил себе смешок. Старший дознаватель тоже улыбнулся, но лишь уголками губ:

– Едва ли меня можно с кем-то спутать, сударь некромаг. Впрочем, не важно. Господин Салдобрул! Не думайте, что я про вас забыл. Я, милейший, никогда ничего не забываю.

– А-а, э-э, отец Виллем, о чём вы, благочестивый?...

– О том, что не стоит пытаться обмануть некроманта Фесса, также известного под прозвищем Неясыть. Не надо занижать выплаты ему и пытаться сэкономить.

– И в мыслях не держал! – покраснел великан. – Но, отец Виллем, порядок, порядок превыше всего!..

– Если некромант Неясыть сказал, что на кладбище обитали и упокоены им три кат-такина, летаец и драуг, то это верно так же, как и то, что меня зовут Виллем Зейкимм, – перебил дознаватель в монашеской сутане. – Можете мне поверить. Самолично не раз проверял сказанное сударем некромагом, и ни разу он не преувеличил ни в единой малости. Поэтому выдайте ему положенное и не тратьте более нашего времени. Если, конечно, у вас тут нет поблизости иных ревенантов.

Бургмейстер метнул на невозмутимого монаха косой взгляд, но перечить не решился. Открыл сложный замок на вычурном ковчежке, явно гномьей работы, отсчитал монеты, золотые и серебряные. Прибавил несколько медяков.

– Похвальная педантичность, – усмехнулся Виллем. – Вы сговаривались на столь некруглую сумму?

– Произвел удержание налогов и податей, согласно указу его светлости маркграфа, – мстительно отвечал мастер Граллон. – Не мать ли наша, Святая Церковь, учит, что повиноваться властям мирским есть первый долг верных чад её?

– М-м, да у нас тут, оказывается, богословский диспут! – весело удивился монах-дознаватель. – Повиноваться властям необходимо, но при этом сказано «кто от бумаг не поднимает носа, однажды точно полетит с откоса». Уберите мелочь.

Бургмейстер поджал губы, но опять же не дерзнул спорить.

Зазвенело золото.

– Прекрасно. А вы, дорогой Граллон, помните, что конгрегация наша милостива и исполнена милосердия, однако тьму мы истребляем не только в мерзких порождениях ночи. Тьму, что находит дорогу к сердцу слабых духом, мы истребляем тоже.

Бургмейстер слабо булькнул что-то и почти рухнул в кресло.

– Не составите ли вы мне компанию, сударь некромаг? – осведомился отец Виллем. – Если, конечно, у вас нет каких-то ещё дел к достопочтенному мастеру Граллону? И если достопочтенный мастер не хочет поручить вам ещё что-нибудь, а, друг мой?... В трактирах я уже чего только не наслушался!..

– Пришли известия о beinhoder, Костяных Головах на старых могильных полях к западу от Хеймхольда... – нехотя проворчал Граллон. – Быть может, господин некромаг соизволит?...

– Господин некромаг соизволит, – проговорил Фесс. – Соизволит, но с небольшой задержкой. Так случилось, что у господина некромага срочные дела. Его личные дела.

– У господина некромага появились личные дела? – поднял бровь дознаватель. – Странно, странно. Весьма странно.

– Случается, – отрывисто бросил Фесс. – Но я обязательно вернусь. Так быстро, как только сумею, бургмейстер.

– Награда, надо полагать, соответствующая? – осведомился отец Виллем.

– Согласно указу его светлости, – буркнул Граллон. – Смотрите, сударь некромаг. Костяные Головы пока не высывались на тракт, но уже начали шарить по заброшенным деревням вокруг.

– Чумные поля, сударь Неясыть. – Виллем ловко раскатал свиток карты. – Во время большого мора туда свозили караванами погибших. В Империи и маркграфствах тогда жило куда больше народу...

– Я слышал, что свозили. А почему не сжигали на месте?...

– Потому что тогда, забодай меня корова, вырубili почти все леса!.. – рывкнул Граллон. – Дома умерших сжигались вместе с ними, потом поняли, что этого мало, что даже из обгорелых трупов сочится зараза, не спрашивай меня как, некромант! Чтобы сжечь человеческое тело, нужен настоящий погребальный костёр, по всем правилам!..

– Спокойнее, бургмейстер. Вы, похоже, напугали сего юного рыцаря, – усмехнулся отец Виллем.

Молодой сэр Конрад, о котором все забыли, так и простоял всё это время тихонечко в углу кабинета – бледный, судорожно потиравши руки.

– С-святой о-отец...

– Всё хорошо, чадо. О, судя по титурусу на гербе, передо мной вер Семманус?...

– Истинно так, святой отец!..

– Хорошо. Я вижу, ты взволнован, чадо. Если у тебя есть духовник – ступай к нему, исповедуйся. А потом приходи в «Свинью под секирой», на Рыночной улице. Там найдёшь меня. Всё ли понял, чадо?

– Всё! Всё понял, святой отец!

Некромант молча наблюдал. О человеке с повязкой через глаз он старался не думать – чтобы не спятить вот так сразу.

– Идёмте, сударь Неясыть.

– Куда?

– Вы не слыхали? В «Свинью под секирой», конечно же. Нам есть о чём поговорить, а донжон нашей славной конгрегации, право же, не лучшее место. Идёмте, сударь. Поговорим заодно и про Костяные Головы.

– Не стоит сердиться на нашего доброго бургмейстера, – отец Виллем со стуком опустил на стол высокую кружку. Вот только налита туда была чистая колодезная вода.

– Я не сержусь. – Некромант трудился над свиным боком. Надо полагать, уже побывавшим под секирой. – Просто у меня и впрямь есть... свои дела, святой отец.

– Не называйте меня так, – поморщился дознаватель. – «Святой отец» я только для добрых чад нашей святой матери-церкви... Да что с вами, сударь?

– Прошу простить. Ничего. Ночь выдалась нелёгкая. Друг, да ещё с каттакинами...

– Понимаю, – без тени улыбки кивнул монах. – Никто из нашей конгрегации не рисковал соваться в Эшер Тафф. Даже целой хоругвью, не говоря уж о том, чтобы полезть туда в одиночку.

– Сударь Виллем. – Свинына была хороша. Некромант научился ценить простые радости. – Скажите, сударь, зачем я вам?

Монах отпил воды, аккуратно утёр губы – явно тянул время.

– Вы загадочный человек, некрмант Неясыть. Явились из ниоткуда. Принесли умения, о каких у нас никто не слыхал. То, что мы привыкли таскать, вы стали катать – и куда быстрее и ловчее наших. Прославились. Святая мать наша, Церковь Господа, пыталась было вас привлечь за ересь, но не преуспела.

– Святая мать наша... До чего же знакомо...

– Простите, что?

– Не обращайтесь внимания, господин Виллем.

– Хорошо. Не стану. Так вот, допрашивавшие вас – или пытавшиеся допрашивать – инквизиторы опростоволосились. Что и неудивительно – это те, кого не взяли в наши конгрегации, братства истребителей нежити. Вот и горят рвением, так и норовят отправить на костёр всех до единого деревенских знахарок да травниц. У кого тогда, спрашивается, развесёлая студенческая братия станет покупать приворотные зелья или лечиться от последствий неосторожной любви?

– Я слышал и о настоящих ведьмах. И о колдунах, о варлоках – вызывателях демонов...

– Всё это есть. Но, как правило, их находим мы, братство сражающихся с нежитью. Иногда рыцари. Чёрная Роза и Вечные Охотники; Мертвецкая Погибель и Неспящие во Тьме... Инквизиция приходит уже на готовенькое, принимается скрипеть перьями, вести следствие, составлять обвинение... Хоть и грешно так говорить о моих братьях в Господе, но – крысы они пергаментные, вот что.

Некрмант зажмурился. Нет, он положительно сходит с ума. Перед ним сидел отец Этлау собственной персоной, знаменитый отец-эзекутор, то же лицо, тот же голос, но говорил он почему-то совершенно о другом, не так, как надлежало столь памятному инквизитору.

– У вас ведь ко мне вопросы, господин Виллем, кто я?...

– Вы выглядите устало, сударь. Надеюсь, что сие доброе жаркое и не менее доброе вино подкрепят ваши силы. Нет, я не стану спрашивать, откуда вы взялись и где обучались. Вы отлично говорите по-нашему, но акцент ощущается, и я не могу понять, откуда он...

– Сударь Виллем, – некрмант не мог заставить себя взглянуть в глаза – точнее, в единственный глаз – сидевшего напротив него отца-дознавателя. – Вы правы, святая мать наша...

– «Ваша». Вам следует сказать «святая мать ваша», – терпеливо поправил монах.

– Хорошо. Святая мать ваша, Церковь Господня, подступалась ко мне с теми же вопросами. Бароны к югу от Ас Таолуса, все три маркграфа. Виконт Армере в долине одноимённой реки. И ещё много кто и много где – все задавали один и тот же вопрос. Откуда я взялся.

– И? – прищурился дознаватель.

– Я не могу открыть. Таков мой обет. Моё искусство – надеюсь, небесполезное – зависит от этого. Простите, сударь, иного ответа я не дам. Мне пытались грозить, пару раз сажали в темницы, но всякий раз выпускали оттуда, потому что где-то опять лезли с погостов мертвяки, а благородных рыцарей или благочестивых членов вашей конгрегации на месте не оказывалось.

Отец-дознаватель (хотя куда бы лучше звучало «отец-эзекутор», привычнее как-то) смотрел на некроманта пристально, без гнева, но и без сочувствия.

– Это печально, сударь некромаг. Вы вспомнили ваше искусство – оно очень нужно нам, не скрою. Друг, летаец и три каттакина – рыцарей полегло бы не менее дюжины, а то и полторы. Наша конгрегация справилась бы немногим лучше. Помогите нам, некромант Неясыть, я слышал, вы предпочитаете именно это прозвище. Обучите наших братьев, способных к магии, и, честное слово, Святой Престол причислит вас к сонму блаженных и прославляемых. Сколько мертвяков вы сразите в одиночку? Десять, сто, тысячу?... Эта напасть не останавливается, восстаёт всё больше и больше погостов, лезет на поверхность совсем уже древняя нежить, из могильников и курганов, которым тысячи лет!

Он схватил кружку, жадно припал к воде. Задёргался острый кадык, по небритому подбородку через седую щетину побежали капельки воды.

– И ведьмы. И колдуны. И эти идиоты-варлоки со своими гримуарами. Их всё больше. И это, получается, наше дело, дело конгрегации, а не лентяев-инквизиторов. А по уставам и писаниям мы боремся с врагом мёртвым, а инквизиторы – с врагом живым!..

– Вам нужно моё искусство, сударь дознаватель? – Фесс опустил голову. Не было сил смотреть в этот единственный глаз, горевший сейчас той же страстью, что и у отца Этлау в деревне Большие Комары... – Поверьте, я бы рад передать его. Но это не получится.

– Отчего же? – проскрипел отец Виллем. Яростно потёр прикрытую холстом пустую глазницу.

– Моё искусство убьёт ученика.

– Вы уверены? Вы видели?

– Видел, – не моргнув глазом, солгал некромаг. – Беднягу разорвало, останки сгорели, пепел развеялся сам по себе, хотя ветра не было. Больше я никого не пытался учить, досточтимый.

Дознаватель помолчал, сцепив тонкие пальцы.

– Святая конгрегация наша очень просила бы вас, сударь некромаг, явить нам своё искусство и попытаться передать его нашим братьям. Погодите-погодите, не кидайтесь возражать и повторять, я вас и в первый раз отлично понял. Мы есть смиренные слуги Господа, и никто из наших братьев не боится смерти. Недостатка в добровольцах не будет. И никто не обвинит вас, сударь, если испытания... окончатся трагически.

– Иными словами, господин Виллем, вы хотите посмотреть, что и как я делаю? – Фесс не дрогнул. Ему уже доводилось слышать подобное вопросы. – Быть может, начнём с этого? А уж потом вы решите насчёт «добровольцев»?

– Не совсем то, что я бы хотел услышать, но лиха беда начало. – Дознаватель допил свою воду. Он смаковал её, словно редкостное вино с тонким букетом. – Мои братья готовы. И, если вы действительно собрались разобраться с Костяными Головами, мы рады будем за вами последовать.

Это не отец Этлау, повторял себе некромаг, словно заклинание. Это случайность. Невероятная, невозможная, но случайность. Ничего больше.

Монах Виллем Зейкимм из заштатного городка Этлау. Который просто похож на отца-эзекутора как две капли воды, даже голос невозможно отличить.

Невероятная и невозможная случайность – или ты, некромаг Неясыть, лишился рассудка.

Аэ. Аэ, как же ты нужна сейчас, серебристо-жемчужная драконица...

Безумие – это самое простое и понятное объяснение. Может, это вообще всё сон. Ведь что он помнил последнее?... Чёрное копьё, исполинская башня, вытягивающаяся в Межреальность над Эвиалом; жизнь, покидающая Разрушителя – то есть его, Фесса, Кэра Лаэду – и ничто.

И негромкий голос отца, Витара Лаэды, словно прилетевший из детства, из уютной и ароматной темноты его, Кэра, комнаты.

Слова о том, что он, Кэр, будет спать, пока не изменится мир.

Мир изменился, только как понять, изменился ли он только в его, некроманта, сознании или по-настоящему?

Дознаватель казался вполне доброжелательным, совершенно не похожим на отца-инквизитора. Однако сейчас ему, Фессу, нужно совсем иное; а для этого придётся кое-что ему рассказать.

– Быть может, сударь Виллем, вам будет небезлюбопытно узнать, что приключилось *после* того, как я справился с другом...

Рассказ длился недолго. И, в отличие от мальчишки Конрада, дознаватель лишь саркастически поднял бровь, услышав о деве Аурикоме в качестве приманки для неупокоенных.

– Ничуть не удивлён. Рыцари последнее время чувствуют, что мы, Святая Конгрегация, действуем куда успешнее их. Мы, чёрная кость, монахи, из простых и незнатных!.. Конечно, тут на всё пойти можно. Метод, безусловно, жестокий, но... порой применяется. Особенно если под рукой найдётся приговорённый преступник, или ведьма, или колдун, чьи злодеяния изобличены.

«То есть и святые братья не брезгают охотой на живца...»

Впрочем, не забывай, некромант, ты тоже умерщвлял чёрных котят.

– Так, значит, этот лич её похитил? И скрылся костяным коконом под землёй?...

– Да, сударь.

Отец Виллем вздохнул.

– Тогда нам останется лишь помолиться о погибшей душе несчастной девы. Я высокого мнения о вас, сударь некромаг, и, уж раз вы не смогли взять след малефика, не бросились в погоню, а вернулись в Хеймхольм, значит, по дочери Господней Этии можно читать заупокойную.

– Я так не считаю, сударь Виллем.

– Очень благородно, – с холодком заметил монах. – Но очень неумно. Если вы, сударь некромаг, собираетесь отправиться на поиски похищенной – это будет пустой тратой времени. Подумайте лучше о простых поселянах, кого не столь изощрённые твари, как этот лич – костецы, летавцы, стыгхи, стригои, драуги и прочая нежить, разорвут на куски и сожрут живьём. Простой принцип.

– Принцип меньшего зла? – перебил некромант. Кажется, это получилось несколько злее, чем следовало, потому что отец-экзеку... то есть господин дознаватель сжал губы и прищурился.

– Господь велел нам спасать тех, кто рядом, а не за тридевять земель. Ибо тогда мы не спасём никого.

– Не будем спорить, сударь. Я отправляюсь за личем. Костяным Головам придётся подождать. Выставим кордоны, и...

– Не учите меня, как справляться с неупокоенными, сударь некромаг, – огрызнулся отец Виллем. – Мы их сдерживали до вас и после вас тоже сдержим, невелика важность!.. – Он недовольно дёрнул щекой, вновь потёр повязку через пустую глазницу. – Не люблю разочаровываться в людях, сударь. Но, видать, придётся.

– Наблюдать за моим искусством можно и при поисках лича, – пожал плечами Фесс.

– Конгрегация предпочла бы делать это по ходу чего-то более полезного, – отрезал монах.

– Разве поиски такого отъявленного малефика не полезны?

– Полезны. Но менее, чем упокоение огромного поля могильников и катакомб. Что ж, сударь некромаг, вы ломаетесь, словно красная девица, а я не привык повторять дважды. От Святой Конгрегации так просто не отворачиваются; честь имею откланяться, сударь.

И он действительно поднялся, коротко и холодно кивнул, двинулся прочь через мгновенно раздавшуюся трактирную толпу.

Некромант молча прикончил свиной бок. В конце концов, не напрасно же эта хрюшка угодила под секиру?

В кошеле позвякивало золото. Господин бургмейстер заплатил в точности по «высочайше утверждённым расценкам». Получилось неплохо.

Теперь оставалось только понять, где и как искать этого лича.

А насчёт заупокойной службы... если малефик пошёл на такие усилия, чтобы заполучить девушку, то, скорее всего, нужна она ему живой. Для просто жертвы можно было выкрасть любую пейзажку; а вот если не просто...

Нет. Этиа Аурикома была жива, в этом он не сомневался.

Он просто знал это.

Интерлюдия 2

Посох

Горы, горы, горы. Это только кажется, что они одинаковы в любом мире. Где-то они игольчато-остры, словно им нипочём наждак ветров и вод; где-то – опрокинуты, поднимаясь к небу громадными столпами: узкое основание, расширяющееся кверху; где-то они и вовсе парят над поверхностью – в таких горах заносчивые чародеи обожают устраивать свои замки.

Но даже те хребты, что на первый взгляд одинаковы как две капли воды, имеют свой характер, душу и голос. Уловить его непросто, шепчут горы тихо и очень-очень медленно; но, если остановиться и что есть силы прислушаться, можно разобрать их голоса – низкие, скрипучие, словно камень трётся о камень.

Горы жаловались и причитали. Фесс не разбирал слов, лишь ощущал их тоску, их горечь, их печаль – что-то очень плохое творилось с глубоко ушедшими корнями, они слабели, словно там трудилась целая армия неведомых паразитов.

– Не слушай их. – Аэ шла впереди, вернее, легко перескакивала с валуна на валун, отыскивая дорогу. Всё больше становилось деревьев, мхи уступали место травам, пронеслись над вершинами какие-то пичуги.

– Где мы, Аэ? – Он повторял этот вопрос вновь и вновь, наверное, больше обращаясь к собственным чувствам, нежели к юной драконице.

– Предгорья. Спускаемся вниз. Я чую жильё, – лаконично отвечала та.

Фесс только потряс головой. Почему он так слаб? Еле ноги передвигает, а драконица прыгает как ни в чём не бывало. Почему не повинуетесь сила? Она здесь есть, хоть и «горькая», по выражению Аэ. Почему, почему, почему...

Что случилось там, после огненной купели, в которую рухнуло Дно Миров? Почему все воспоминания являют собой абсолютно бессвязную мозаику непонятно чего, бессмысленных изображений, словно в детской иллюзии?

Что случилось с Эвиалом, с Мельином, с Долиной Магов, наконец?

– Не грызи себя, – обернулась Аэсоннэ. – Мы, драконы, принимаем мир таким, какой он есть. Небо. Ветер. Солнце. Вода. Полёт. Чего ещё надо для счастья?

– Вам, наверное, и впрямь ничего.

– И тебе тоже. Не грызи себя, я же сказала. Здесь найдутся настоящие враги.

«Я дрался в Мельине и в Эвиале. Хранил Мечи, сам того не ведая, но хранил. Не размокай, не распускайся – не этому ли учил тебя отец? Жаль, что ты так редко о нём вспоминал...»

Ты Кэр Лаэда, сын Далии и Витара Лаэда. Помни об этом. Всегда.

Он не сжимал кулаков и не стискивал «до хруста» зубы. Просто встал и пошёл за драконицей, почти не уступая ей в быстроте.

– Что с твоим посохом?

Они сидели у костра. Аэсоннэ предложила было разжечь, однако Кэр лишь покачал головой. Нет, он должен сам.

Простенькое огненное заклятие получилось у него с шестого раза. Сила выскальзывала, не подчинялась, не заполняла мыслеформы, не трансформировалась; тонкий язычок пламени поднялся над растопкой, лишь когда Фесс с отчаяния прибёг к рунной магии – да-да, той самой, началом которой его обучил старик Парри, когда потерявший сам себя Кэр Лаэда впервые оказался на Северном Клыке.

– Посох как посох, – некромант оглядел выломанный ранее можжевелевый ствол.

– Ничего не чувствуешь? – удивилась драконица. – Не видишь разве...

– Погоди, не говори, сам определяю, – остановил он её.

Сила вывёртывалась, словно склизкая рыбина из рук. Билась, изворачивалась, дёргалась; и горчила, да. Аэ была совершенно права. У магии здесь имелся странный привкус, возникавший во рту у Кэра всякий раз, как он пытался пустить в ход какое-то заклятие.

Как там чертил Парри, этот ворчливый старикан? Руна Познания, силы нездешние и заповедные, какой пафос!..

Однако нелепая, вычурная и пафосная руна сработала на удивление хорошо. Прямо в воздухе возник голубоватый росчерк, двинулся, расширяясь, замерцал, охватывая воткнутый в землю можжевеловый ствол.

Из земли к посоху потянулась масса тёмных линий, донельзя похожих на корневую систему, словно сухая лесина собралась встать и зеленеть.

И по этим призрачным корням в можжевельник вливалась сила. Вливалась, несмотря на всю свою неподъёмность. Тянулась вверх давно засохшими и сжавшимися капиллярами, касалась изнутри коры, поднималась ещё выше, в причудливый комель, напоминавший мёртвую голову.

Удерживать руны оказалось больно, кончики начертивших её пальцев обжигало, жар поднимался по фалангам к ладони – магия требовала свою цену.

Трава возле посоха быстро желтела и жухла, на глазах высыхала, распадаясь невесомой чёрной пылью. Тёмный круг быстро расширялся, и они с Аэ невольно отступили, сперва на шаг, потом ещё на один, потом на два...

Пролетавшая птичка с ярко-красной грудью словно натолкнулась на незримую преграду, забила крыльями, едва выровнялась и в панике метнулась обратно. Коричневатая лягушка с лихорадочной поспешностью скакала прочь; всё живое бежало, кто не успевал – обращался в такой же прах, что и недвижимая трава.

– Нет!

Пепел взлетел вокруг ступившего в него Кэра, пальцы стиснули можжевеловый ствол, сейчас горячий, словно металл из горна – Фесс едва выдержал. Рванул вверх, что-то хрустнуло, лопались тёмные связки, опадали, рассеивались.

Ствол можжевельника почернел. Кора с него сошла, дерево сделалось гладким и тёмным, но всё равно было видно, что некогда оно было живым кустом.

Оставшийся круг сгоревшей травы, однако, менялся на глазах. Сквозь пепел к свету устремились тонкие изумрудные ростки, разворачивались листья, вверх тянулись стебли. Уродливая рана на глазах закрывалась, словно тёмный посох вытянул из неё всё, что мешало расти и цвести.

Мёртвая голова на вершине посоха, однако, почти исчезла. Вместо неё теперь появился заострённый кол, словно подготовленный для достойного оголовья.

Вместо пепельно-серой мёртвой земли ярко-ярко зеленел теперь радующий глаз овал; трава на нём поднялась чуть ли не вдвое выше, чем рядом.

Аэсоннэ глядела на всё это широко раскрытыми глазами.

Кэр подбросил посох, вновь поймал – мёртвое сделалось живым, впитав в себя... что? Убил – и воскресил. Высосал яд? Открыл дорогу новому?...

Фесс осторожно попробовал одно из старых своих заклятий, ещё ордосских времён. Он вспоминал имена Древних Эвиала, имена Тёмной Шестёрки; тогда он держал в руке ритуальный кинжал с их изображениями, капал на него эликсир; теперь хватило просто мысли. Сила отзывалась – не то чтобы совсем послушно, но куда лучше, чем прежде.

Старая магия работала. Хотя имена Тёмной Шестёрки, Древних Богов Эвиала, правивших им, покуда не явились Ямерт и его присные – прозвания эти, Зенда и Дарра, Сиррин, Аххи, Шаадан, Уккарон, – не могли ничего значить здесь, в новом мире.

Если, конечно, мир этот был и в самом деле новым.

– Аэ!.. Ты уверена, что это не Эвиал?

Драконница вдруг смешно наморщила нос, втягивая воздух. Скорчила гримаску.

– Магия совсем другая. Горькая.

– Да, горькая... Но, быть может, она просто изменилась? Мы же как-то выбрались... откуда выбрались? Но до сих пор не знаем, что это было...

– Я знаю, что я знала. Но... потом всё как-то так завертелось... Вчера не вчера, сегодня не сегодня, завтра не завтра – времена смешались все. А потом этот вот мир.

– Мир как мир, – огляделся некромант. Осторожно поставил посох – не начнёт ли убивать всё вокруг себя на земле? – но нет, трава спокойно зеленела, и даже какая-то пёстрая бабочка уселась отдохнуть на его остром навершии. – Небо голубое, солнце жёлтое. Воздухом можно дышать, воду можно пить, а местного козла можно жарить и съесть. Сила странная, ну так что ж теперь, «горькая» – значит, «горькая».

– Мир как мир, – согласилась драконница. – Оно-то и странно.

– Чего ж странного?

– Мы попали в жуткий катаклизм. Всё горело и рушилось, время сошло с ума, всё, всё – один сплошной ужас, – взор Аэ заledenел, она глядела в одну точку. – А потом вдруг раз! – и появляется этот мир, и я падаю в него, и... и всё.

– Ну да. Нам повезло, – Фесс старался, чтобы слова звучали уверенно и спокойно. – Попался нормальный мир. Мы целы. Мы живы. А что смутно помним – так у меня тоже такое случилось, когда в Эвиал угодил.

Драконница только вздохнула и пожала плечами.

– Станный мир. Станный у тебя теперь посох. Странное всё. Что мы будем тут делать? Куда направимся? Для дальних странствий мы не подготовлены.

– Всё будет хорошо, – некромант смотрел на потемневшее дерево. Оно, казалось, жило сейчас своей собственной жизнью – под гладкой поверхностью гуляли токи силы, посох вобрал в себя чужие жизни – и тотчас вернул их обратно.

– Мне не нравится, когда на пути из ничего возникают магические предметы, – заявила Аэсоннэ.

– И я с тобой совершенно согласен. Но, если нам его и подбросили, значит, есть тот, кто подбросил. А если кому-то мы уже интересны, значит... для нас найдётся настоящее дело.

Юная драконница несколько мгновений смотрела на него, глаза меняли цвет – с янтарных через сплошную черноту к сияющему серебру, и обратно.

– Ты ничему не научился, – вдруг сказала она.

– Отнюдь. Мы в неизвестности, и если уже успели стать для кого-то врагами – то это хорошо. Неизвестность тем самым уже не неизвестность.

– Ох. – Она покачала головой. – Что ж, пожалуй, пора мне взлететь, оглядеться – может, что и увижу.

* * *

Серебристые крылья развернулись, упёрлись в воздух, драконница устремила ввысь светлой молнией. Кэр остался один, если не считать тёмного посоха.

Некромантия – это не только и не столько простое выкапывание трупов с приданием им жуткого подобия жизни. Когда-то, давным-давно, старый Даэнур, декан факультета магии (сиречь злоделания), учил, что их искусство – взаимодействие живого с мёртвым. Взаимная защита, удержание границы меж двумя мирами. Не только мёртвые способны тревожить живых, живые тоже вполне себе способны доставить неприятности мёртвым.

Он осторожно очертил вокруг себя круг. Круг Отражения – в своё время ему именно так удалось поймать жуткую многоногую тварь, из тех, что вызвали страшную эпидемию в Ордосе;

тварь куда страшнее и вредоноснее ххоров, призрачных вампиров, питавшихся последними эманациями души умирающих.

Да, тогда они с Даэнуром славно поработали. И он, и ректор Анэто... Чародеи, светлые и тёмные, стояли плечом к плечу, вместе боролись с чёрным мором; это было доброе время, несмотря ни на что.

Круг Отражения возникал словно сам по себе. Да, сила здесь «горька», но зато нет правила одного дара и никакого отката. Бери, некромант, придавай форму, какую нужно, твори, рази, если надо – упокаивай или, напротив, поднимай!..

Тогда, в Ордосе, он поймал в ловушку Круга Отражения призрачную тварь. Теперь чертил его вокруг себя – однако почему-то не мог завершить.

В силе чего-то недоставало.

«Стой, стой, что ты несёшь?! Как может „в силе“ чего-то „недоставать“?! Сила всегда полна и самодостаточна, в ней просто не может возникнуть „недостачи!“»

Он потряс головой, досадливо морщась.

Сбился где-то, наверное. Что-то забыл.

Он попробовал ещё раз. Формула, инкантация, жест. Мыслеформа. Сила заполняет предназначенные ей вместилища, но при этом словно целая свора котов вцепляется когтями ему в спину. Небось не забыли те самые ритуалы, с чёрными котятками...

Некромант глухо зарычал сквозь стиснутые зубы. Что я делаю не так?! Он повторял заклятие раз за разом, добиваясь предельной чёткости каждого компонента – до тех пор, пока, весь в поту, не убедился, что в силе действительно чего-то не хватает. Она просто не наполняла определённые ей конструкции, не заходила в приуроченные вместилища. В ней отсутствовало то, что должно было зайти и наполнить.

Уж не потому ли наставник Даэнур такое значение уделял ритуальному мучительству? Оно, конечно, давало мгновенный результат, обильный источник мощи; но что, если не только мощи?

Фесс быстро, одно за одним, набросил ещё несколько простых заклятий. Сдвинуть корягу, пошевелить ветром листья; вызвать короткий дождик на шесть футов в поперечнике – старые-престарые классические чары, заученные ещё в Академии Долины Магов, где обязательный курс включал элементарные заклятия четырёх стихий.

Нестареющая классика.

Тяжело. Трудно. Но посох отзывался всякий раз, подталкивая, помогая.

Мы ещё посмотрим, кто кого, и даже безо всяких ритуалов. Но прорехи в силе имеются. И значит, нужно перепробовать все без исключения чары, чтобы ни одно заклятие бы потом не подвело.

За этим занятием его и застала вернувшаяся драконица.

Она принесла вести – местность полого спускалась перед ними, впереди лежала густо заросшая лесами предгорная долина. Река, а вдоль неё – вполне себе широкий тракт, небольшие деревни: видать, земля тут хорошо родила.

– Тебя видели?

– Видели, – хихикнула Аэ. – Ох и визжали!.. Ох и бежали!.. бабы коромысла с вёдрами побросали, мужички под телегами прятались!..

– Ох, драконица ты такая... а сами деревни что?

– Деревни как деревни, – пожалала она плечами. – Мы таких видели без счёта.

– Храмы?

Невольно вспомнился Спаситель, как он являлся в Эвиал. Да и вообще – Святая Инквизиция со всеми её прелестями.

– Храмы есть, – кивнула Аэ. – Но на них нет стрелы Спасителя.

– А что тогда?

– Двойной круг. И вообще храмы простые, обычный сруб, только побольше, да башенка... Я ничего не почувствовала. Если это и храмы, если и есть в них сила – от меня она сокрыта. Во всяком случае, пока.

– Тогда пошли, – решительно сказал некромант. – Посмотрим, стожусь ли я на какую чародейскую работу – не в шкурах же здесь расхаживать...

– А потом? – тихонько спросила Аэсоннэ.

– А потом – наверх, – показал он. – За небо. В Межреальность. Домой, в Долину Магов. Ну... или в Эвиал. Или в Мельин. Или...

Драконница отвернулась, по лицу прошла тень.

– Мир очень... плотный, – она замешкалась, подбирая слова. – Я не поднималась высоко, не искала троп отсюда... Но...

– Мы ещё не готовы, – кивнул Фесс. – Путь сквозь Междумирье не мёд и не сахар.

– Да-да, не готовы, – поспешно выпалила Аэ. – Это верно. Пока ещё нет. Что ж, идём, я покажу дорогу...

Река оказалась чистой, холодной и неглубокой. На противоположном берегу теснились потемневшие серые срубы под тесовыми крышами, и стоял там, в селении, жуткий переполох.

Метались женщины, мычали коровы, брехали псы. Какой-то петух ни с того ни с сего заорал во всю глотку, хотя день уже клонился к вечеру. Мужчины с копьями и секирами в руках метались тоже, правда, у них это сопровождалось громкими и воинственными воплями.

– Большой тарарам, – заметила драконница не без самодовольства. – А это всего-навсего я пролетела...

– Что они там вопят? – Фесс не понимал речи местных.

Аэ пожалла плечами.

А потом на том берегу вдруг завывли, заорали, заверещали на все лады, люди бросились в разные стороны – яркие домотканые платья женщин, платки девочек, серые рубахи мальчишек и мужчин. Те, что с оружием, сбились плотным кулаком, наставили копья, двинувшись как раз к деревенскому храму – вернее, маленькой, но аккуратной церквушке с резной деревянной оградой и резными же наличниками на окнах.

Ладили с любовью.

– А-ах! – вдруг согнулась Аэсоннэ, словно получив удар под дых.

Передняя стена храма вдруг вывернулась наружу, крыша взлетела, расправляя по-птичьи крылья; аккуратная башенка стала заваливаться набок, а из хаоса брёвен и досок вырвалось существо, про которое только и можно было сказать – «из ночных кошмаров».

Белая кость массивного черепа с торчащими вперёд четырьмя бивнями. Провалы четырёх глазниц. И длинные костяные конечности с глубоко вонзающимися в землю когтями.

Посох в руке Фесса вздрогнул, пробуждаясь к жизни. Дёрнулся нетерпеливо, словно свойвольный молодой конь.

Аэсоннэ сжала кулаки.

Костяная тварь походила на приснопамятных костяных драконов с погостов Эвиала – правда, изрядно меньше, без крыльев, и череп напоминал скорее гротескно увеличенный человеческий, чем драконий.

Глубокая грудь, длиннющие руки-лапы, короткие (очень короткие) и мощные ноги – чудище скорее походило на громадную обезьяну из Змеиных Лесов на Кинте Ближнем.

На правом плече её мелькнул какой-то странный вырост, асимметричный – левое плечо обходилось без этого украшения.

Люди дружно ахнули. Крики, вопли, и все бросились врассыпную.

Это было правильно. Их копья и топоры ничего бы не сделали костяному страшилищу; сделать сейчас что-то мог только он.

Он, некромант Фесс. Ну, или Неясыть, кому как нравится.

– Нет! – Аэ вдруг схватила его за локоть. – Это ловушка!.. Западня!..

– Может, и западня, – Кэр шагнул к самому берегу. Проклятье, вода холодная... – А люди в ней – всё равно живые.

– Дай тогда я! Я перекинусь!..

– Нет! Я должен сам!

Аэ зарычала. Надо сказать, совершенно по-драконьи.

Посох удобно лежал в руках. На том берегу неупокоенная бестия метнулась было за разбегавшимися мужичками, но вдруг резко дёрнулась, словно налетев на незримый канат, споткнулась, едва не растянувшись, глухо взвыла и ринулась, вздымая тучи брызг, через реку прямо к Фессу и Аэ.

– Я...

– Нет, дочка!

«Дочка», – вырвалось у него. Словно они вновь на Северном Клыке, в Чёрной Башне, полной запретных книг...

Драконница, похоже, так растерялась, что промедлила, потеряла несколько мгновений, а тёмный посох уже чертил перед некромантом сложный узор, извивы рун вспыхивали, огненная паутина понеслась навстречу костяному чуду, расширяясь с каждым мгновением, словно рыбацкая сеть.

Тварь её, похоже, не видела, потому как влетела в неё со всего разгону. Изо всей дурацкой мочи, как сказала бы тётушка Аглая...

Алые нити, линии живой руны, напоённой чистым огнём, вмиг опутали белые кости. Прорезали первый слой, оставляя чёрные росчерки ожогов, и бестия начала разваливаться – в воду шлёпнулись передние лапищи, забились, задёргались сами по себе, словно конечности у таракана, вспенили воду – и по-прежнему рвались к застывшему на противоположном берегу Фессу.

Нити руны рассекли череп твари, все четыре глазницы, однако округлый костяной шар не развалился. Неведомая сила удержала костяные обломки вместе, однако бестия таки замедлилась.

Забывшись, Фесс бросил несколько заклятий поиска, как раз из вычитанного в Чёрной Башне. Что двигает эту тварь? Обычная ли неупокоенность погоста или?...

Не получилось. «Горькая» сила опять не заполнила положенного ей, чары рассеялись, едва столкнувшись с костяным чудищем.

Что ж, попробуем по-плохому.

Вторая руна, сотканная быстрыми взмахами посоха, была символом чистого пламени. Некромант поморщился от горечи – и впрямь, словно набил рот корой хинного дерева! – но своё дело руна сделала. Поверхность воды забурлила, мгновенно вскипела, рванулись облака пара. Белая кость твари тотчас обуглилась и почернела, обе отрубленные лапищи взвились высоко, словно рыбы на нересте; однако тварь всё равно не остановилась.

Когда-то давным-давно он, Фесс, разил неупокоенных на погосте в деревне Зеленухи чистой силой, собирая её отовсюду; зомби Эвиала были неуязвимы перед простой стихийной магией, и те же законы, похоже, действовали и здесь – если не в точности такие, то похожие.

В деревне Зеленухи, отражая орду ходячих мертвяков, он, Фесс, едва не отправился к праотцам, разрывая саму ткань мира. Нет, теперь он научился...

Огонь опалил костяного монстра, но не уничтожил.

Аэ застыла рядом, обратившись в статую; Фесс чувствовал ток её собственной силы, она готова была перекинуться, но отчего-то медлила.

«А теперь я тебя упокою».

Что бы ни двигало костяным страшилищем, какой бы вид неупокоенности ни собрал воедино его кости, эту волю можно изничтожить.

Одна руна, другая, третья...

Спасибо тебе, старина Парри. Ты спас меня, ты учил меня, ты заботился обо мне. Наверное, тебе было бы приятно узнать, что архаичное твоё искусство вновь в ходу.

Фесс резко ударил тёмным посохом оземь.

«Вытягивай! Забирай! Всё твоё!»

Тварь уже была на берегу. Распахнулась пасть, громко клацнула, короткие лапы вступили в начертанные ловчие символы, и некромант зашипел от боли – посох раскалился, жадно всасывая силу, замкнутую сейчас в переплетениях рун.

Злую, ядовитую силу, которую так и тянуло назвать «силой Хаоса».

Чудовище споткнулось. Обе его отрубленные лапы забились и задёргались на мелководе, вздымая брызги.

Посох дрожал и трясся, некромант едва удерживал его; чудовище враз замедлилось, словно муха в патоке. Кости стали одна за другой отваливаться и отпадать, рассыпаясь мелкой трухой; тварь утробно взвыла, дёрнулась раз, другой – и вдруг вся словно бы осела, обрушилась грудой обгорелых огрызков и обломков. Последним рухнул круглый череп; рухнул и взорвался, словно под ударом молота.

К ногам Фесса откатилось что-то круглое и белое – единственное белое тут.

Ещё один череп. Мелкий по сравнению с прежним, размером с обычный человеческий. Почти человеческий по виду.

И совершенно нечеловеческий по сути.

Существо, которому он принадлежал, походило на человека, однако верхняя челюсть нависала над нижней, торчали две пары заострённых толстых клыков. Провал носа был уже, глазницы – больше. В середине лба – явно намеченная ямка, истончение кости, словно зародыш третьего глаза.

В чёрной глубине глазниц медленно угасала пара янтарных огоньков.

– Дрянь какая, – выдохнула драконица.

– Дрянь, – согласился некромант. – Нельзя, чтобы такое тут осталось бы валяться...

Он протянул руку, подержал раскрытую ладонь над уродливым черепом. По коже пробежала короткая россыпь быстрых злых уколов.

– Магическая вещь, – проговорила Аэ, глядя на жуткую кость широко раскрытыми глазами.

– Да, она и управляла этой тварью, – Фесс кивнул на неподвижную грудку костей.

– И что теперь? Раздробить? Утопить? Закопать?

Некромант покачал головой:

– Я знаю что.

...Снизу, где полагалось отрастать шейным позвонкам, у этого черепа был сплошной чертополох абсолютно нечеловеческих костей. Некромант нацелился остриём посоха, надавил – что-то захрустело, а потом вдруг щёлкнуло, клацнуло – словно челюсти сомкнулись! – и череп оказался намертво насажен на тёмный можжевелевый посох.

Аэсоннэ ахнула, но некромант уже твёрдо сжимал древко. Оно вновь разогрелось, магия потоком устремилась к черепу, и злое начало в нём взвыло от первобытного ужаса.

Плен. Плен. Вечный плен. Нет выхода. Служить. Отдать всё. Отдать до конца!..

Запертая в черепе сила пыталась бороться. Вниз по древку прокатилось кольцо леденящего холода, наткнулось на сжатый кулак некроманта, дрогнуло и рассыпалось. Холод обжигал, но воля Кэра Лаэды оказалась крепче.

На том берегу застыла толпа местных. Мужчины, женщины, старики и детвора – и стар и млад высыпали подивиться на этакое чудо.

– Кажется, – заметила рачительная драконица, – мы, по крайней мере, сможем разжиться у них одеждой.

Глава 5

В таверну «Свинья под секирой» достойный, хоть и молодой, сэр Конрад вер Семманус притащился тише воды ниже травы. Содержатель заведения и прислуга низко кланялись юному рыцарю, но тот словно бы ничего не замечал вокруг.

– Сударь некромаг?

Фесс уже давно покончил со свиным боком и сидел просто так, наслаждаясь бездумным покоем. Очень, очень редко выпадало такое, особенно в последнее время, когда неупокоенные полезли из всех щелей, и впрямь словно тараканы.

– Сэр Конрад. Присаживайтесь. Отец-дознаватель уже изволили отбыть.

– Жалко как, – по-детски огорчился рыцарь. – Я, собственно... попрощаться, сударь.

Фесс понимающе кивнул.

– Конечно. Отец Церепас не благословил тебя оставаться в моём обществе.

– Не благословил, – понурился Конрад. – Бранил и корил меня всячески, наложил послушание...

– Так, наверное, тебе надлежит его выполнять?

– Я и выполню. Но сперва прощаемся, сударь некромант. Неправ я был, вижу теперь. Чуть рыцарскую честь не опозорил, слишком усердно приказы выполняю. А только обеты, которые даёшь при посвящении, – они всё равно важнее.

– Тогда прощаемся, – согласился Фесс, по-прежнему не понимая, зачем наследник вер Семманусов вообще явился сюда.

– Да, да, – заторопился рыцарь. – Только... сударь некромаг, не собирался ли ты навестить командорию Чёрной Розы? Конечно, здесь она невелика, не Тар Андред, их крепость, но всё же – может, они знают что-то о недостойном рыцаре Блейзе?

– Отец-дознаватель отнюдь не был убеждён в его недостойности, сэр Конрад. Принцип меньшего зла, видите ли.

– Не нам ставить под сомнение мудрость святых отцов, – склонил голову рыцарь. – Но я бы всё-таки отправился с тобой, сударь некромаг; если позволишь, конечно.

Фесс пожал плечами:

– Тогда идём. Только заберём с постоялого двора повозку мою. Не пешком же нам к многодостойным братьям рыцарям являться!

В конце концов, хочет – пусть тащится. Титурус вер Семманусов на гербе всё-таки кое-что значит.

Двинулись. Народ на улицах Хеймхольма шарахался, визжал и жался по стенам при виде жуткой упряжки некроманта. Правда, запустить камнем в спину или хотя бы крикнуть что-нибудь никто не осмелился.

Как говорится, и на том спасибо.

Командория ордена Чёрной Розы занимала особняк в чистой части Хеймхольма, скромный, без излишеств – рыцарям, посвятившим себя борьбе с нежитью, не нужны финтифлюшки. Два этажа, широкие ворота во двор, узкие окна с решётками, дверей нет – если надо, тут можно продержаться довольно долго.

Подле распахнутых створок томились двое совсем юных сквайров-оруженосцев с длинными алебардами, в тяжёлых кожаных доспехах с нашитыми железными пластинами. Стояли явно лишь для того, чтобы всем показать гордый герб Чёрной Розы, вычеканенный на грудных частях брони.

При виде некроманта челюсти у них так и отвалились. Сквайр помладше взвизгнул и ринулся во двор, оставив старшего товарища трястись на боевом посту.

– Кто есть из старших братьев ордена? – холодно осведомился Фесс, спрыгивая с двуколки и деловито охлопывая своих упряжных мертвяков, словно породистых коней. Мальчишка-сквайр, ещё младше Конрада, побледнел, позеленел и, наверное, рухнул бы, если б не упёртая в камни алебарда.

Ответить Фессу он так ничего и не успел. Его младший собрат явился с подмогой.

– Нет, сударь некромаг. Мы не предаём гласности деяния наших братьев и то, как оценивает их орден. Я вам это в третий раз уже повторяю.

Они сидели в «малой трапезной». Напротив некроманта устроился, внушительно уперев руки в бока и держась очень прямо, чернобородый рыцарь с нитями седины в волосах. Худощавый и слегка смуглый, от левого виска к углу рта тянется старый шрам. Даже тут он не расставался ни с кольчугой, ни с полуторачным мечом-бастардом.

– Сэр командор, а я повторю вам в четвёртый, что хватать неповинных и оставлять их как приманку для нежити...

– Мы вполне доверяем суждениям нашего брата, – перебил Фесса другой рыцарь, сидевший рядом с командором, низенький и лысый, но с такими огромными ручищами, что в нём можно было заподозрить наличие гномьей крови. – Мы слышаны о тебе, некромаг, и знаем, что ты в какой-то мере делаешь одно дело с нами, но без благословения Святой Церкви, и потому...

– А вы видели, как сударь некромаг сражался с богомерзким личем, оскорблением всех Господних заповедей? – вдруг вклинился Конрад. – Простите мне вмешательство, благородные сэры, но я там был. Наблюдал всё собственными глазами.

– Господин вер Семманус, – тяжело взглянул на него командор. – Ваш почтенный отец не учил вас, что прерывать старших нехорошо?

– Мой почтенный отец учил меня не отступать перед злом! – Юный сэр Конрад от волнения дал петуха.

– Спокойно, Манфред, спокойно, – командор положил руку на плечо лысому рыцарю, уже начавшему привставать. – Орден Чёрной Розы чтит закон...

– А разве похищать невинных дев – это называется чтить закон? – холодно бросил Фесс.

– Она наверняка была ведьмой. Не могла не быть, – вдруг прогудел брат Манфред. – Я знаю брата Блейза. Он никогда бы не...

Фесс заметил, как рука командора чуть сжалась на плече рыцаря.

– Мы ничем не можем помочь тебе, сударь некромаг, – проговорил старший рыцарь. – Ты не на службе у его светлости маркграфа, чьи указы мы чтим, хотя и обладаем правом экстерриториальности, сиречь неподсудности...

– Ну, на нет и суда нет, – Фесс поднялся. – Но передайте брату Блейзу, что я бы очень хотел с ним побеседовать. На предмет доказательств того, что оставленная им на жертвеннике дева была именно ведьмой или хотя бы просто преступницей, приговорённой к смерти.

– Ты угрожаешь рыцарю Чёрной Розы, некрот?! – не выдержал Манфред.

– Я же сказал – спокойно! – повысил голос командор. – Сударь некромаг Фесс, нам не о чем больше разговаривать. Отринь ты чёрные искусства, покайся, прими всей душой учение матери нашей, Святой Церкви Господа Вседержителя – и ты был бы желанным гостем в нашей скромной обители. Но пока – я прошу тебя удалиться. И мне, и брату Манфреду предстоят долгие беседы с нашими духовниками.

– Не смею препятствовать, – Фесс поднялся. – И благодарю за гостеприимство.

– Счастливого пути желать не будем, – ровно сказал Манфред, быстро взглянув на командора, словно спрашивая разрешения.

– Но успехов в бою против нежити пожелаем всегда. Ибо, чтобы спасти душу, надо дать ей время для спасения. Которого бродячие мертвяки как раз и не дают.

– Совершенно согласен, сударь командор, – вежливо улыбнулся некромант. – Счастливо оставаться.

Прежний Фесс, наверное, добавил бы что-то ехидное, навроде «пусть ваши духовники не будут к вам слишком суровы и не наказывают батогами», но того Фесса давно уже нет.

– Не желаете ли остаться и разделить трапезу, сэр Конрад? – окликнул командор молодого рыцаря.

– Благодарю, многодостойный сэр, – неожиданно ответил молодой рыцарь. – В другое время с радостью бы и благоговением. Но, увы, не могу. Мои самые глубокие извинения, – и вышел следом за некромантом, поклонившись лишь самую малость.

Они молча покинули командорию. Двуколка и зомби так и стояли во дворе, и сновавшие туда-сюда слуги с молодыми сквайрами далеко её обходили. Какой-то рыцарь в длинном белом плаще с чёрной розой посредине громко возмущался и требовал «ответить за сие непотребство и богохульство», но враз осёкся, едва заметив некроманта с его спутником – и ретировался, ворча под нос что-то сильно нелестное.

– Что ж, это не слишком помогло. – Фесс взобрался в повозку, как обычно, машинально проверил спрятанный посох. На месте. Конечно, к его двуколке приближаться не дерзали, но кто знает, кто знает...

– Они не правы, сударь некромаг. – Рыцарь Конрад заметно волновался. – Они не должны были вам отказывать. Если дева Этиа ни в чём не повинна, а рекомый Блейз похитил её из родного дома, то...

– То? – Фесс поднял бровь.

– То это плевок в лицо всем идеалам рыцарства! – выпалил юноша. – Он опозорил свой меч! И того, кто дал ему посвящение!

– Быть может. Но нам это не поможет, сэр Конрад. Лич на свободе, и кто знает, какое злодейство задумывает – быть может, прямо сейчас.

– Я... – замялся молодой рыцарь, – сударь некромаг, я хотел бы помочь...

– Ты, сэр Конрад? – Вот теперь Фесс удивился по-настоящему. – Но как же опасность для твоей души? Не ты ли говорил мне...

– Лич овладел мною, – опустил голову тот. – Овладел, подчинил и заставил свершить преступление. Моими руками невинная дева предана в лапы злодею! Быть может, её уже постигла ужасная участь... но тогда я хотя бы отомщу её губителю!

Сэр Конрад покраснелся, щёки его пылали.

– Сударь, – вздохнул некромант. – Ценю твой порыв. Очень ценю. Но разве ты готов к путешествию, сэр рыцарь? Ты командовал постом, ты отвечаешь за своих людей. У тебя дельный и расторопный сержант, но главным был всё-таки ты, а не он. Вернись к своим, прими их обратно под руку, и тогда...

– Я уже всё уладил, – тотчас выдал сэр Конрад. – Мой почтенный родитель отдал необходимые приказы. Сержант и все остальные будут возводить новую караульную. К ним отправлено подкрепление, искусный лекарь, необходимые припасы...

– Всё это хорошо, но как же твоя душа? Боюсь, отец Церепас не благословит тебя на странствия в обществе некромага.

Конрад опустил голову и вновь покраснел. Он вообще легко краснел, если и не как девушка, то близко.

– Как может спастись душа моя, если по моей вине попала в руки страшного лича невинная дева?

– Да почему же по твоей, Кон...

– Будь я чист и благочестив по-настоящему, тёмные чары не нашли бы ко мне дорогу! – почти выкрикнул юнец.

«Чепуха, малыш, – вздохнул про себя некромант. – Чары лича нашли бы дорогу к любому праведнику. Это, увы, как камень и рычаг. Сколь бы ни был тяжёл валун, всегда можно найти подходящий лом, подsunуть под него и сдвинуть с места. И никакая праведность не поможет».

– Ты не можешь об этом судить, – мягко сказал он вслух. – Послушай доброго совета, вернись к своему достопочтенному родителю, а потом...

– Я всё уже решил! – с отчаянной лихостью объявил юноша.

– Ты, может, и решил. А спросил ли ты меня, сэр рыцарь? Ведь, столкнись мы с мертвяками, мне придётся думать не только о них, но и о тебе. Ты станешь не помощью, но обузой.

Уши сэра Конрада почти что засветились.

– Драться с мертвяками – это совсем не то, что с живыми, – безжалостно продолжал Фесс. – Обычная сталь остановит лишь самых слабых, самых простых зомби. Против скелета лучше всего палица – кости не рубят, их дробят. Но, пока не вскрыт источник неупокоенности, руби тварей или пронзай – ты их только удержишь. И потому я, откровенно говоря, так хотел потолковать с рыцарем Блейзом. Я встретил его в изрядном отдалении от того места, где он оставил пленницу. Зачем? Если он собирался как-то извести слыха, то логично было бы оставаться где-то рядом. А так – твари Эшер Тафф сожрали бы жертву, и всё.

Конрад слушал некроманта заворожённо, словно Господня пророка.

– И, когда мы столкнулись с Блейзом, он, во-первых, назвался именем, похожим на настоящее, но всё-таки изменённым; и, во-вторых, его вполне серьёзно собирался прикончить достаточно слабый костец. Рыцарь Чёрной Розы, в одиночку отправившийся ночью на катакомбы Эшера, – или отчаянный смельчак, или... – Фесс махнул рукой. – А потом девушка Этиа, наживка для мертвяков, попадает в лапы к личу, ухитрившемуся как-то разузнать обо всём случившемся...

– З-здесь какая-то тайна, сударь некромаг! – Глаза Конрада горели восторгом.

– Воистину, – усмехнулся Кэр. – Я должен её разгадать, сэр рыцарь.

– Прошу тебя, сударь... сэр Фесс! – взмолился Конрад.

– Сэр? Я же не рыцарь!

– Я был неправ, – торопливо зачастил юнец. – Неправ там, на заставе. Я, я хочу помочь. Я не подведу.

– А душа?

– Я чувствую, – после паузы негромко ответил молодой рыцарь, – что она вернее погибнет от бездействия, нежели от действия в вашем обществе, сэр Фесс. И для меня вы – самый настоящий рыцарь.

«Быстро ж ты преобразился, юноша...»

– Хорошо, – сказал он вслух. – Если ты настаиваешь – и если ты избавишь меня от необходимости постоянно величать тебя по титулу.

...Они покинули Хеймхольм, направляясь обратно на восток, той же дорогой, что и явились сюда. Двуколка некроманта заметно потяжелела – добавились припасы на время пути, но неупокоенные тащили её с прежней лёгкостью. Сэр Конрад ехал рядом на боевом коне и вёл в поводу ещё выючную лошадь с собственной поклажей.

Очень длинный день заканчивался, но Кэр не стал ночевать в городе, несмотря на недоумённые взгляды Конрада. Они оставили позади городские ворота, свернули на восход, и ехали, пока окончательно не стемнело. Летние ночи коротки, по безоблачному небу плыла Луна Первая, быстро настигаемая её младшей сестрой, Луной Второй. Где-то за горизонтом ещё пряталась малышка Третья, она бежит небесной тропой стремительнее всех.

Остановились, лишь миновав круг возделанных земель вокруг Хеймхольма. Лес надвинулся с севера и юга, от недалекого озера тянуло холодом.

– Последний трактир проехали, – вздохнул Конрад.

– Заночуем в лесу, – отозвался Фесс. – Чем дальше от города, тем более косо смотрят на моих мертвяков.

– Сударь некромаг... прости, но почему нельзя было взять обычную упряжку?

– Кони смертельно боятся неупокоенных, в отличие от кошек. Я бы посоветовал тебе оставить и твоего скакуна, но ты не послушал бы меня, рыцарь.

– Не послушал бы, – признался тот. – Но, сударь...

– Фесс. Просто Фесс.

– Хорошо, – смутился Конрад. – Но как же мы станем искать злокозненного лича, су... Фесс?

Вместо ответа некромант вытащил кожаный мешочек, потряс им.

– Здесь, – он потянул за завязки, – амулет, снятый мною с девы Этии. По её словам, Блейз надел его ей на шею. Вещица тёмная, злая и очень, очень сильная. Не рекомендую касаться её голыми руками.

Юный рыцарь поспешно спрятал обе руки за спину.

– Гляди, – некромант аккуратно вытряс талисман на скамью.

– Бррр, – поёжился Конрад, перегибаясь с седла. – Что там нарисовано? Вроде как череп?

– Половина – череп, половина – живая голова. Но рисунок-то ладно, хотя он сложен, похоже, из нескольких старых рун; а вот сила у этого оберега совершенно жуткая. Это чистый Хаос.

– Но Господь победил Хаос! – широко раскрыл глаза Конрад.

– Несомненно. Что не исключает существования таких вот штуковин.

– Но зачем надевать это на невинную деву? – недоумевал рыцарь. – Если этот негодяй Блейз хотел просто привлечь нежить...

– То ему не требовались никакие амулеты, – закончил некромант.

– Как же объяснить сие? – Конрад аж воздел руки.

– Пока никак.

– Но... – растерялся юноша, – каков же план?

– В четырёх днях пути на восток будет то, что я называю «местом силы». Попробуем допросить эту вещь, и с пристрастием.

Для стоянки Фесс выбрал сухое чистое место на невысоком холме у дороги, с открытой ночным ветрам вершиной. Тщательно выложил отпорный круг. Раздвинул борта и зад двуколки, на рычагах опустилась узкая койка под пологом.

– Ого! – присвистнул Конрад. – Нам бы такая тоже сгодилась!..

– Гномы ладили.

– А... твоё оружие, Фесс? Коим ты владеешь столь виртуозно?

– Глефа? Это другая история.

Ему и впрямь не хотелось вдаваться в подробности.

«Аэ...»

Мысли нахлынули, ударившись в уже привычную ледяную броню, которой ему поневоле пришлось обучиться.

– Смею ли я надеяться когда-нибудь услышать её?

– Надеяться можешь.

Конрад, хоть и рыцарь, и первая встреча с ним получилась совсем не дружеской, оказался хорошим спутником. Не чинясь, отправился за хворостом, быстро и умело сложил костёр. Вскоре в котелке забулькала вода, некромант щедро сыпанул пшена; достал сковородку, порезал кубиками сало, порубил лук. Доварил пшено, быстро и умело обжарил сало с луком, вывалив потом всё это прямо в густую кашу.

– А вкусно! – с набитым ртом объявил юный вер Семманус, уписывая за обе щеки.

Некромант лишь кивнул.

И, когда они уже ложились спать, аккуратно достал заветный посох.

– Ой, мама! – вырвалось у Конрада совершенно нерыцарское.

Можжевеловое древко сделалось чёрным, словно эбеновое дерево. Появились полированные кольца тяжёлой бронзы, а в глазницах черепа злобно мерцали крошечные огоньки.

– Наблюдай. – Фесс с силой вонзил посох в землю.

– Господи, спаси, сохрани и помилуй! – не удержался Конрад.

Некромант промолчал.

Рыцарь долго ворочался, даже его, молодого, сон никак не брал.

– Сударь... досточтимый некромаг... а нельзя ли этого, череп этот... убрать? А то он на меня пырится, того и гляди, с кола соскочит, сожрёт, – не выдержал он наконец.

– Не сожрёт, – заверил его Фесс. – Он у меня хорошо вышколен.

– А-а... э-э-э... – только и смог выдавить сэр рыцарь.

– Добрых снов, Конрад. Дорога завтра дальняя, место, куда придём, заповедное, странное. Ничего не бойся и ничему не удивляйся. И держи меч в ножнах, что бы ни почудилось. Привидится там наверняка многое, но помни – это всё лишь морок.

– Молитва защитит меня от лживых видений Тьмы!

Фесс вздохнул:

– На Господа надейся, а сам не плошай.

...Конрад поворочался ещё немного, но потом молодое здоровье взяло верх, и с другой стороны костра донеслось сонное сопение.

Некромант тоже закрыл глаза. Он уже знал, что ему предстоит, знал, кого он увидит во сне и что ему придётся сделать. И ничему не удивлялся.

– Сегодня выбирай другую тропу, – озабоченно сказала Аэ.

Они укрылись за громадным мшистым валуном. Серое небо над головами иссекли ветвистые молнии, яркие, лимонно-жёлтые. Позади – знакомая пропасть, и мирная долина со спокойной медленной рекой, но уже куда дальше, чем в самый первый раз, когда эти сны только начались. Впереди – узкий, крутой подъём, расщелина в мёртвых скалах, и в нём сплошной стеной стояли мертвяки. Обычное их воинство, полусгнившие зомби, скелеты, костяные гончие; мелькнуло несколько трёхглавых крысиных королей, наполовину из неживой плоти, наполовину из нагих костей.

Торчали ржавые пики, поднимались устрашающего вида мясницкие крючья. Холодный ветер рвался вниз по расщелине, разбиваясь о каменную глыбу, послужившую щитом Фессу и Аэ. Где-то высоко меж серых туч парили смутные крылатые тени.

– Пора, – драконица выпрямилась. – Я отвлеку тех, что в небе. И помни, первый поворот налево, а не направо, как в прошлый раз.

В прошлый раз – в прошлом сне, значит.

– Ну, я пошёл. – Просто и буднично, словно направляясь на привычную работу.

Ветер обжёг щёки, заставил слезиться глаза. Алмазный и Деревянный мечи привычно скрестились, незримый щит раскрывался, и ледяной напор тотчас ослаб.

Мёртвые ждали, сбившись плотно, кость к кости и череп к черепу.

«Ты наш, – завели всегдашнюю песню бесплотные голоса откуда-то сверху. – Ты наш, ты должен быть с нами!»

Он не слушал. Привык уже.

Это случалось далеко не каждую ночь – как правило, некромант проваливался в тёмное беспмятство без сновидений – но уж когда случалось, выходило настолько живо и ярко, что запоминалось до мельчайших подробностей.

И в то же время он знал, что, настигни его смерть здесь, во сне, – глаза он не откроет и в настоящем теле.

Зомби и скелеты не сдвинулись с места. Ждали, наставив копья.

За спиной мягко толкнули воздух широкие жемчужные крылья – Аэ поднималась в небо.

Что-то щёлкнуло в рядах мертвяков, о плоскость Алмазного меча сломалась костяная стрела. Вторая, казалось, должна была пролететь между клинками, но тоже рассыпалась неведомым прахом: прозрачный щит держался.

Однако некромант ощущал всю уязвимость этой защиты. Чары приходилось нести, словно воду в тяжёлом ведре, стараясь не расплескать ни капли.

Третий костяной дрот разбился в пыль, и мертвяки перестали стрелять. Выше подняли пики, кое-кто совершенно человеческим жестом поправил ржавый шлем.

«Они были людьми, – подумал Кэр. – И у них отобрали покой. Кто?

Зачем? Во имя чего?...»

Однако он должен пройти, и остальное не имеет значения.

Скелеты и ходячие трупы стояли плотно, ладонь не всунешь.

Высоко-высоко над головой родился долгий, протяжный свист. Оборвался внезапно и резко, а затем что-то тёмное, бесформенное, тяжёлое шлёпнулось оземь впереди, на высоком скальном уступе, куда Фессу ещё предстояло подняться. Дрогнул камень под ногами; взметнулись облака пыли, по ним скользнула гротескная тень – в небесах по-прежнему ярились молнии.

Некромант резко присел, направляя Драгнир остриём в скалу; клинок вошёл в неподатливый гранит бесшумно, погружившись по самую рукоятку.

Миг – и Алмазный меч выдернут обратно, а в оставленную им узкую щель-разруб вонзился Иммельсторн.

Мертвяки качнулись вперёд, дружно, настоящей волной, словно кто-то, управлявший ими, сообразил, что сейчас последует.

Слишком поздно.

Эфес Деревянного меча содрогнулся, и кулак некроманта сжался плотнее, словно пытаясь удержать рукоять от разрыва.

Это было больно.

Скала под ногами и лапами мертвяков взорвалась, пробивая гранит, к тёмному небу устремились сотни и тысячи молодых зелёных отростков; они стремительно удлиннялись, вытягивались, гибкие, подвижные, живые, оплетая мёртвые кости, змеями скользили меж нагими рёбрами, проникали в пустые глазницы, вцеплялись в позвонки, укоренялись в щелях суставов.

Тяжело дыша, некромант вырвал Иммельсторн из каменной щели. Клинки вновь скрестились, смыкаясь в непробиваемом щите, но нужды в этом уже не было.

Тысячи тысяч молодых побегов разбежались по костям и плоти неупокоенных. Они не душили, не рвали, не давили и не спутывали. Они просто росли, их корни, такие нежные и слабые, проникали в мельчайшие неровности и щели, жадно вытягивали всё, что могли, давали новые ростки и так до бесконечности.

В несколько мгновений вся толпа мертвяков обратилась в сплошной зелёный ковёр.

А затем начала рушиться.

Кости разламывались и оседали, груды мёртвых мышц и сухожилий становились цветущими кочками; стебли поднялись из глазниц пустых черепов и сами черепа, уступая последними, растрескались и рассыпались.

Некромант остался стоять перед опустевшим проходом. Угрюмая скала обернулась весёлым и радостным ковром изумрудных трав, поднялись и раскрылись многоцветные венчики.

Фесс сорвался с места, бросился прямо в очистившуюся расщелину. Травяной ковёр упруго пружинил под ногами.

Несколько мгновений – и он уже наверху.

Нагая безжизненная равнина, каменистая и сухая. Торчат кое-где скелеты давным-давно погибших деревьев; злобно шипит ветер в острых вершинах старых менгиров да мечутся в исполосованном молниями небе несколько крылатых теней.

Одна из таких теней уже долеталась – застыла тёмной грудой, не разобрать, где голова, где крылья, где что; лишь ощущение беды; беды, да голодного зла, которому всё равно, что пожирать, лишь бы пожирать.

Фесс застыл. Впереди – ровная, как стол, пустыня, где лишь недвижный камень. Далеко-далеко, насколько мог охватить его взор – изломанная линия острых гор. Стаи серых туч валили именно оттуда.

Он должен идти дальше.

– Стоит ли, мэтр? – громадный орк с чубом на бритой голове выступил из-за ближайшей глыбы, поставленной торчком.

– Я бы сказал – нет, – широкоплечий гном появился с другой стороны.

– Я знаю, что это сон, – пожал в ответ плечами некромант. – Я знаю, что вас нет.

– Тогда пройди мимо нас, мэтр. – Орк скрестил на груди могучие ручищи. – Нас нет, тебе не составит никакого труда.

– Тем более что ты не знаешь, куда идти, – согласился гном.

– Знаю, – сказал некромант. – Туда, к горам. И ещё дальше, за них. До самого сердца того, что шлёт эти видения, стараясь лишить меня сил и решимости. Но я всё равно дойду. Вы пытались меня остановить и терпели неудачи. Я продвигаюсь всё дальше и дальше.

– Хватит ли тебе жизни, мэтр? – осведомился орк.

– Я рискну, – сообщил Фесс. – Ну что, преградите мне путь? Кто ещё у вас остался в запасе?

– О, – осклабился гном, – ещё сыщется, не сомневайся.

– Кто? Мои родители? Тётушка Аглая? Кого вы ещё можете извлечь из моей памяти? Но я-то знаю, что это всего лишь сон. Я открою глаза и проснусь – в мире, который изменился. А вас не станет.

– Мы можем сделать так, что прежний мир вновь вернется, – орк сделал шаг навстречу. На вид живой и невредимый, в отличие от скелетов и мертвяков ниже по склону.

– Мы можем вернуть тебе всё. – Гном закинул секиру на плечо.

– Всё? – хмыкнул некромант.

– Всё. – Орк кивнул.

– Сперва запугивали. Пытались убить. Теперь решили купить? После того как поняли, что я всё равно пройду?

– Тебя невозможно купить. И мы не покупаем – нам безразлично, какую форму всё это примет. Решение зависит от тебя.

– А если я не подчинюсь?

– Тогда, – спокойно сказал гном, – в одну из ночей ты таки умрёшь. Здесь ли, во сне – или в том, что для тебя есть твой «изменившийся мир».

– Вы не можете до меня дотянуться.

– Зато мы смогли дотянуться до *неё*, – усмехнулся орк.

В небесах что-то взревело, грянул гром, и ещё одна бесформенная тёмная туша низринула вниз, расшибаясь о безжизненный камень.

Стремительный белый росчерк пронёсся меж ярко-жёлтых ядовитых молний, уворачиваясь от их плетей.

– Вам кажется, – некромант собрал все силы, что у него оставались, чтобы получилось это с холодным презрением.

– Нам никогда ничего не кажется.

Над головой некроманта нарастал и ширился свирепый свист – это рассекали ветер широкие жемчужные крылья.

Гном и орк переглянулись. Первый вскинул наперевес секиру, второй неторопливо извлёк кривой ятаган.

– И подумай, почему твоей Рыси ты больше не видишь, – услышал Фесс.

Услыхал, поднял в позицию Алмазный и Деревянный мечи, но в тот же миг в глаза хлынул свет, показавшийся донельзя ярким.

– Сударь некромаг... господин Фесс... – над ним склонялось озабоченное лицо Конрада. – Утро уже. В дорогу пора.

Юноша, похоже, вспомнил не столь давние времена, когда сам был ещё сквайром у прошедшего посвящение рыцаря.

– В дорогу... – некромант рывком поднялся. – Да, Конрад. Пора.

Рыцарь мало-помалу привык к тащившим двуколку некромага мертвякам, а вот конь его привыкнуть никак не мог – храпел, косился, выгибая шею и всё время пытался оставить их за спиной.

– Говорил же тебе, что лошади не переносят неуспокоенности, – заметил Фесс. – Поэтому то и пользуюсь... вот этими.

Тракт был оживлённый, однако и конный, и пеший с лихорадочной поспешностью торопились убраться восвояси. Во всём славном маркграфстве Ас Таолус, как и в Ар Роша или Ан Панно, как в виконстве Армере или в Империи Духа Святого была только одна такая упряжка и только один, кто мог ею управлять.

Миновали большой купеческий караван: телеги посъезжали на обочины, одна и вовсе завалилась в канаву, и кучера едва справлялись с перепуганными лошадьми. Дородный купчина выкатился было навстречу некроманту, но тут на нём с воплями повисли женщина и две девчушки, после чего тот явно внял голосу разума (надо сказать, весьма громкому).

Ближе к вечеру они свернули с торной дороги; миновали большое село с трактиром и постоянным двором (Конрад проводил их печальным взглядом и долгим вздохом), оставили позади в панике разлетающихся кур, гогочущих гусей и яростно гавкавших псов; только кошки провожали кавалькаду великолепно-презрительными взглядами, напоказ принимаясь вылизываться.

Ну и, разумеется, треск захлопываемых ставень и стук запираемых ворот.

Эта часть маркграфства была обжита, богата и, если не считать катакомб Эшер Тафф, свободна от неуспокоенных.

Во всяком случае, пока.

Конраду было явно не по себе и хотелось поговорить.

– Сударь мой Фесс, – осторожно подступал он к некроманту. – Много ходит о тебе слухов, сплетен и рассказней. Но уж раз мы странствуем вместе...

– По твоему настоянию, Конрад, – усмехнулся Кэр.

– По моему, сударь, – согласился рыцарь. – Но, быть может, дозволено будет узнать из первых рук, откуда ты? Ибо болтают всякое, а я...

– А ты хочешь знать правду? – некромант вздохнул. – Увы, Конрад, увы. Я не смогу открыть тебе. Отвечу так же, как и доброму отцу-дознавателю: таков данный мною обет. Он абсолютно нерушим. Да и что тебе в том, где именно я родился? Или на каком языке впервые заговорил?

– О тебе, сударь Фесс, очень много врут, – серьёзно сказал рыцарь. – И я, к стыду своему, признаюсь, что очень многому верил. Но теперь вижу, что на самом деле ты – доброе чадо Господа нашего, и...

– Я ничье не доброе чадо, – перебил Кэр. – Не прячусь ни под какие личины. Делаю то, что нужно и что умею. Всё просто, Конрад.

– А... а скажи, сударь Фесс... – Конрад вдруг покраснел. – По ярмаркам порой поётся одна песенка... гм... про тебя и... и...

– И про дочь одного скупого маркграфа? Слыхал, – некромант вздохнул.

– Нет, – Конрад покраснел ещё гуще. – Про то, как прекрасная дева Анника, гм, воспылала страстью к некоему странствующему некромагу, но, не добившись взаимности, отправилась к некоей ведьме и сделалась неупокоенной, и, когда некромаг явился за ней, бросила в лицо ему: «Быть может, хоть так ты обратишь на меня взор свой!»

– Гм. Гм, – некромант смутился.

«Как они это смогли раскопать?! Переврали, конечно, но...»

– Деву звали Анниэль, а не Анника, и, хвала Господу, как ты бы сказал, Конрад, ни в каких неупокоенных она не обращалась.

– А...

– Охолони, сэр рыцарь. У нас есть дело. Пути ещё три дня. Это сейчас хорошо – земля добрая, обжитая. К границе подойдём – веселее станет.

– А что там? – немедленно выпалил Конрад с чисто мальчишеским нетерпением. – Мертвяки, да?

– Мертвяки, но не только. Жрущая Пуща – слыхал?

– Какая-какая? – выпучил глаза рыцарь.

– На старых картах – Mørk skog. На новых – Темнолесье.

– А! Слыхал, конечно, как не слыхать!

– А что там завелись ведьминские кованы и бродячие варлоки, вдобавок ко всем прочим прелестям?

– Н-нет...

– То-то и оно, что нет. Весело там, говорю тебе.

– Слово Господне нас защитит!

– Не сомневаюсь. А ещё защитит добрая сталь и доброе заклинание.

Солнце поднялось уже высоко, когда они миновали очередную деревушку – заметно беднее, чем те, что лежали ближе к большому тракту. И видно было, что здесь что-то не так, очень сильно не так. Многие дома брошены, причём в лихорадочной спешке; кое-где даже ворота не заперты. Не брехали псы, не разбежались куры; оконца закрыты ставнями. Не сидели на зава-linkах старики, не носилась неугомонная детвора; и, наверное, Фесс так бы и проехал насквозь всю деревню, если бы у околицы их не нагнали трое местных: старик с клюкой, крепкий мужик с окладистой бородой и молодка, высокая, статная, донельзя боевого вида.

В руках она держала внушительный ухват.

Именно она заговорила первой, без особого почтения поклонившись сперва Конраду, а потом и Фессу.

– Сударь рыцарь, господарь некромаг – постойте! Погодите!..

Конрад было задрал нос, явно собираясь выдать что-то вроде «как к благородному обращаешься?!», однако Фесс примирительно поднял руку.

– Чем могу помочь, красавица?

– Беда у нас, – без предисловий выпалила молодка.

– Что, мертвяки? – понимающе кивнул некромант.

– Кабы мертвяки! Видели мы, как рыцари Чёрной Розы с ними управляются, мы не хуже! Оглоблей-то иль дрыном кости дробить сподручно!..

– Ишь, какая боевая! – не удержался Конрад от пренебрежительного.

– Да уж не хуже тебя, рыцарь. – Молодка за словом в карман не лезла. – С мертвяками сами сладим – ты-то, сударь некромаг, небось сдерёшь немилосердно! – а вот с варлоком...

– Варлоки – это не совсем по моей части. – Фесс развёл руками. – Нет, конечно, если придётся, возьмусь, а так-то – рыцарское это дело. Или братьев из Святой Конгрегации.

– Так далеко они все! – прогудел бородач. – Грошей не напасёсси!

– Хм, далеко! – не выдержал Конрад. – Святые братья ночей не спят, зло выкорчёвывая! Рыцари в орденах тоже не по тавернам прохлаждаются!.. А вы тут...

– Святые братья, может, где и святые, а молодек очень даже пользуют! – Красавица упёрла руки в бока. – Да и пусть себе, лишь бы дело делали! А когда их нет – того просишь, кто есть!

– А чем же досадил вам так этот варлок? – вздохнул некромант.

– Логово устроил! – прошепелявил старик. – Швинью шпёр!

– Где логово? Какую свинью? – перебил Конрад.

– В лешу. Во-он в том. – Старикан махнул клюкой, указывая на тёмную череду елей за кругом полей. – Туды уштебал!.. Шо швиньей!..

– А как же он её уволок-то?

– А нечиштая шила его жнаеть! Зачаловал, видать, поелику швинья жа ним шама шла, даж беж привяжи!

– Значит, по-твоему, дед, мы с сударем некромагом должны вашу свинью ловить?! – расвирипел Конрад. – Ахинею какую-то несёте!.. дождётесь – сударь некромаг вам самих заупокоит и к повозке своей припряжёт!..

– Да погоди ты! – безо всякого пиетета бросила молодек. – Сударь некромаг... дедушко наш, того, не без привета, но варлок-то и впрямь проходил. И свинью со двора свёл. Пальцами прищёлкнул, она за ним и побежала. Сама.

– Так, значит, кто-то свинью свёл и вы решили, что то варлок? А почему именно он?

– А кто ж ыщцо-та? – удивился бородач. – Свинью увёл, Дарина правду речёт. А потом ночью над лесом...

– Штрах! Штрах что было! – завопил дедок и аж подпрыгнул. – Огнь жапляшал, штолоб такой вертячий!

– И тварь там была. С крыльями, – мрачно добавил бородач.

Дарина кивнула.

– Крутило её, с неба спускало. Я сама видела. Уж и билась она, уж и махала крыльями! Да только всё равно не вырвалась.

– Да! Там и шидит у варлока того! – встрял старичок. – Ждет! А уж он-то тварь эту, как ночь, на наш напуштит!

– Это правда, сударь некромаг? – Конрад положил ладонь на эфес.

– Правда.

Дарина ойкнула, бородач заскрежетал зубами, дедок крепче вцепился в свою клюку.

– Правда, – повторил Фесс и принялся заворачивать двуколку. – Так куда делся этот ваш варлок, говорите?...

– Иначе нельзя, Конрад. Едва ли селяне всё это выдумали.

– Но мы теряем время, сударь Фесс!.. Что случится с девай Аурикомой, если мы станем так медлить?

Некромант помолчал, досадливо хмурясь.

– Нам ещё довольно долго добираться до того места, где я только и могу рассчитывать на какие-то ответы. Постараемся покончить с этим варлоком – кем бы он ни оказался – как можно скорее. Хотя...

– Что «хотя»? – глаза у Конрада немедля вспыхнули.

– Что-то не слишком я верю в такие совпадения, – проговорил Фесс. – Сперва дева Этиа – и явление лича. Мы отправляемся на поиски – и на нашем пути немедля оказывается какой-то варлок, будь он неладен. Как нарочно.

– Но кто же мог его сюда отправить? – подивился рыцарь.

– Никто не мог. Потому что никто не знал, куда я направляюсь. Даже отец-дознаватель.

– Я знал, – смутился Конрад. – Но никому не говорил!

– Ты и не мог, сэр рыцарь. Ладно, делать нечего. Повозку придётся оставить, через лес ей не пройти. Меч наголо, Конрад. Будь готов.

Некромант полез под сиденье двуколки. Пальцы сомкнулись на отполированном древке посоха.

– Спаси и помилуй! – побледнел Конрад.

Из глазниц черепа вырвались языки пламени, сплелись, устремились вверх, так что получился самый настоящий факел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.